

18+

ЛЮБОВЬ СУШКО

Истребление кумиров

Князья и воины

Любовь Сушко

**Истребление кумиров.
Князья и воины**

«Издательские решения»

Сушко Л.

Истребление кумиров. Князя и воины / Л. Сушко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908551-1

Эпоха князя Владимира Красное Солнышко с кровавыми расправами, песнями гусяров и подвигами богатырей отражена в самом первом романе из цикла «Князя и воины». Роман получился фрагментарным, история князя полнее отражена в «Саге и Валькирии» — а здесь волшебные хроники, сказки и суровая реальность 10 века.

ISBN 978-5-44-908551-1

© Сушко Л.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть 1 Борьбе противоположностей	8
Глава 1 Сотворение кумиров	8
Глава 2 Свет и тьма	11
Глава 3 Новый идол	13
Глава 4 Станный сон	15
Глава 5 Расправа	17
Глава 6 Искушение судьбы	19
Глава 7 Наказание	21
Глава 8 Ведьма	23
Глава 9 Испытание верой	25
Глава 10 Блеск и нищета	27
Глава 11 Еще одно свидание	29
Глава 12 Собор	32
Глава 13 Царство земное и небесное	35
Глава 14 Встреча с невестой	37
Глава 15 Крещение	39
Глава 16 Истребление кумиров	41
Глава 17 Давний спор	43
Глава 18 Великое крещение	44
Глава 19 Другая сторона медали	46
Глава 20 Сооружение храма	48
Глава 21 Старое в новом	50
Глава 22 Непротивление злу	52
Глава 23 Ответ грядущего	55
Глава 24 Возмездие	57
Глава 25 Новое Пари	59
Часть 2 Заколдованный круг	61
Глава 1 Невыполнимое задание	61
Глава 2 Предшествующее	63
Глава 3 Ночные гости	65
Глава 4 Начало конца	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Истребление кумиров Князя и воины Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-4490-8551-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь Сушко

ИСТРЕБЛЕНИЕ КУМИРОВ

—

Роман о князе Владимире Красно Солнышко, бese и нечистых духах. Об ангелах, древних богах, исторгнутых в смутное время. В те дни на смену старым кумирам пришли новые боги, и все перемешалось на русских землях. Это рассказ о богатырях, окружавших русского князя, добывавших князю славу и почести себе. В мире в ту пору мучительно происходил перелом, от которого пострадали многие, и многое изменилось. Никто не верил тогда, что к старому нет возврата.

Вступление

Пустыня. Голубое бескрайнее небо. Она ощущала его бесконечность. Чувствовала в первый и последний раз. Высокий и очень красивый священник отошел куда-то от кровати. Ей показалось, что он ушел навсегда. Но он оставался в комнате, только мысли его витали где-то далеко и наверное потому девушка его не чувствовала. **Пустота.**

Священник. Как странно, что в этот час он был здесь. Ей хотелось побыть одной и о многом вспомнить на прощание.

Но она снова позвала его:

– Отец Феодосии...

– Да, моя дорогая, я слушаю тебя.

Он всегда был спокоен, невозмутим, даже в такие минуты.

– Скажите мне, а моя душа попадет в рай?

– Конечно, дитя мое, все грехи твои отпущены, да и было их не так уж много, ты будешь в раю, – мягко, почти незаметно улыбнулся священник

– Мне очень хочется этого. Не из-за вечной жизни, – оправдывалась она, думать и говорить становилось все труднее.

– Там, наверное, скучно, в покое и вечном блаженстве, – усмешка коснулась уже безжизненных губ. – Но в вечности, где нет времени, я хочу увидеть, – она замолчала, собираясь с силами, – русских богатырей, тех, их седой древности, из былин. Мне всегда хотелось увидеть их, особенно Добрыню.

Она не закончила фразы, взглянув на собеседника, и на лице ее отразилось удивление

– Но почему вы так смотрите на меня? Их не существовало? – в голосе слышались испуг и боль. Глаза наполнились слезами.

– Нет, нет, – торопливо говорил он, – они, несомненно, существовали. Только... – он снова замолчал, не зная, как бы все это сказать точнее, – Я не уверен, не думаю, что их души надо искать в раю. Он произнес то, что так тяжело было признать.

– Но как же так, – удивилась и возмутилась Алена, – где же могут обитать души воинов и защитников? Она чувствовала, что ей не хватит дыхания, но не могла замолчать, пока не узнает самого главного.

– Но не забывай, что люди в те времена были иными. Они не особенно верили в Бога и не заботились о своих бессмертных душах.

Священник взял ее холодную ладонь в свою, понимая, что в эти минуты он не должен о том говорить. Но уже не мог остановиться, – Поверь, милая, я очень хотел бы, чтобы там ты встретила хоть кого-то из них. Но вряд ли это возможно, – он решил быть с нею честным до конца.

Глядя на ее безжизненное лицо, он горько пожалел о том, что сказал. Она, не отнимая своей руки, повернулась к стене и замолчала. Странная серая тень пробежала по ее лицу. Он хотел бы узнать, о чем она думала, но Алена молчала. Он упрекнул себя за то, что решился сказать правду, но и обманывать ее в такие минуты не мог. Как дальше жить ему с такой ложью, ведь единожды солгавший, да кто тебе поверит? За долгую, тяжкую жизнь он привык смотреть правде в глаза, какой бы она не была.

Через несколько тягостных минут, когда ему показалось, что она заснула и забылась, она произнесла почти беззвучно:

– А может, они были правы? Они были свободны, и они жили, а мы? Зачем нам нужно все это? Я не хочу в твой рай, если их там нет, – упрямо и твердо произнесла она. Он невольно вздрогнул и посмотрел на нее.

Потом отец Феодосий мучительно вспоминал, была ли произнесена последняя фраза, или ему это только показалось. В ее ли умирающем сознании она возникла?

Он знал эту девочку с детства, был дружен с ее родителями. И так уж вышло, что ему пришлось быть с ней рядом в ее последние минуты. Она любила мифы и славянские легенды, но почему так упорно думала она о богатырях? Не о возлюбленном, не о влюбленном в нее художнике. Не о друзьях, потрясенных до глубины души ее ранним уходом, а о неведомых людях, живших несколько столетий назад.

Красавцы- князья, удалые, смелые и веселые, уже не безрассудные викинги, но еще и не слабосильные славяне, странно далекие наши предки, неизвестно откуда пришедшие и поклонявшиеся Перуну могущественному и жестокому, вместе с ее помыслами, они вдруг ворвались в современность, и заняли почти все помыслы девушки, чья жизнь оказалась столь короткой. А она так заботилась о душе своей только по одной причине, чтобы встретиться с ними на небесах. Фантазерка, но в ее желаниях и стремлениях был какой-то скрытый упрек реальности. И он не смог успокоить ее, не захотел обманывать. Но может быть, это он ошибся, ничего не ведая наверняка. Он листал страницы исторических книг и древних летописей, ему хотелось найти опровержение собственным догадкам. Ей-то хорошо, она знает это почти наверняка, может быть, она нашла там своих богатырей.

Но чем больше думал и читал он, тем более убеждался в обратном. И правда ему казалась и горькой и страшной. Почему и его так задевали героические, наполовину выдуманные рассказы о седой старине? Кто способен отличить правду от вымысла? Но магия прошлого была удивительна. И во сне он переносился снова в неведомые дали. И ему начинало казаться, что все это он уже переживал когда-то, видел и слышал, пировал у князя Владимира Красно Солнышко, сватал его невесту, воевал, умирал и как птица Феникс возрождался из пепла. Если поверить в то, что человек живет только один раз, тогда почему он помнит так много из того, что с ним не могло случиться в этой жизни? Откуда в душе умиравшей девушки возникло странное желание встретиться с богатырями. Человек не волен выбирать эпоху, в которую ему жить, но он волен, любить совсем иное время и стремиться туда всей душой, мечтать о нем. И такие люди всегда были и всегда будут в этом мире.

Священник читал, думал, открывал иные пространства. И он переносился в совсем иной мир. Да и что такое вообще жизнь, что мы знаем о ней. И что в ней реальность, а что только сон?

Сон в реальности или реальность во сне. И то и другое имеет одинаково право на существование.

Часть 1 Борьбе противоположностей

Глава 1 Сотворение кумиров

Алой кровью полыхал закат

В те минуты заворожено молчали русичи, вглядываясь в худое, почти каменное лицо грека. Они слушали, хотя не понимали того, о чем вещал он, и все – таки взирали на него заворожено. ,

Он говорил им о своем боге – много терпеливом, добром и всемогущем. Странное имя его ускользало из их памяти, и ему казалось, что они – эти люди, никогда не смогут его запомнить. Этим людям интересны были любые сказы, а пришелец чудным казался.

Девять столетий прошло со дня распятия этого бога. И все это время среди нищих, униженных и убогих жила легенда о Боге – мученике, страдавшем из-за людей на кресте своем, а потом чудом воскресшем.

Грек пришел на землю русичей давно, чтобы поведать им о муках и о чуде, а потом, если удастся, души их, погрязшие в язычестве спасти.

Сколько раз приходилось ему повторять в разных городах и поселках историю эту. И везде слушали они его, да не особенно – то верили. Иногда казалось ему, что говорил он в пустоту, хотя люди толклись рядом. Слушали, да не слышали – вот в чем беда.

Как отзывалось слово его в их темных душах, было ему неведомо – оставалось только гадать о том. И неизменно оставался он в мире, так и не ставшем родным, в полном одиночестве. И в минуты горестных раздумий казалось ему, что если замолчит он – они забудут рассказы его в тот же миг навсегда. И снова восторжествует их безобразный идол над его богом. К нему будут обращены жертвы и мольбы, как медленно все меняется в мире этом, а может быть все навсегда останется неизменным?

Он успел убедиться, что боги их неистребимы. Столько времени прошло, а разве хватит одной человеческой жизни, для того, чтобы из вечного мрака вырвать их на свет божий, и показать ту тьму, в которой они все это время оставались.

Он закрывал глаза от ужаса и бессилия, видя их чудовищные обряды. А они все принимали спокойно, будто другого мира, жизни другой не существует больше. Но неужели все его усилия напрасны? От таких мыслей все в душе его кипело, хотя внешне он оставался совершенно спокойным. За столько лет ко всему привыкнуть можно было, и со всем примириться. И он привык и примирился.

Но в последнее время в душе его появилась надежда, он невольно обратил свой взор в сторону юного князя Владимира. Совсем недавно он из земель варяжских на землю русскую вернувшегося, когда от других сыновей Святослава и следа больше не оставалось. Конечно, не стоило особенно надеяться и на поддержку этого юнца рассчитывать, темны были помысла и дела его, тяжек его путь к столу киевскому, мил душе его темной княжий бог Перун, в схватках их бесконечных и кровавых только на него надеяться они могли, а потому и приносили щедрые жертвы.

Он был еще большим варваром, чем люди его. И если кто-то и придет к нему, то этот мальчишка в княжеском плаще среди них последним окажется.

Многие говорили о том, как хитер и коварен был он, сын князя Святослава и рабыни его Малуши, которая особенными почестями пользовалась у матери его, княгини Ольги.

После всех этих горьких раздумий показался он сам себе Богом, распятым в этом жутком мире и страдающем на кресте своем. И от этих мыслей стало ему немного легче. Если их бога

так мучили, то ему ничего другого не оставалось больше. Эти не гнали его, слушали, значит что- то изменилось за долгие века к лучшему.

№№№№№

В тот миг князь Владимир резко развернулся и отправился прочь, выказав свое полное пренебрежение к нему.

«Мальчишка, хам, злодей, когда Святослав посадил его, сына рабыни в одном из уделов своих, многие роптали. Но крут был Святослав и жесток всегда – никого он слушать не стал, силен был и непобедимым казался. Но где теперь этот князь? А сын рабыни удержался, истребив всех братьев своих, и вернулся из-за моря, куда поспешно бежать ему пришлось в свое время, чтобы шкуру свою спасти.

Давно уж страшные слухи ходили о нем. И, скорее всего, были они правдою. Только никто и ничего не мог доказать, вот потому и молчали все обречено.

Славы Святослава не дожидаться ему, но по злодеяниям своим он его и превзойти может, потому что ни в чем не знает он удержу.

Сколько раз уже убеждался он, что все не так в мире этом, все с ног на голову поставлено.

Князь остановил коня своего и жестом приказал ему замолчать. Несмотря на свою молодость, он научился повелевать.

– Ты напрасно старался, старик, все это чуждо нам. С нами боги и предки наши, и не нужно нам иного...

Он замолчал и надменно взглянул на чужака, желая показать, кто здесь остается хозяином.

– На смену тьмы вашей свет пришел, а вода камень точит, вот и я надеяться могу, что коснется светлых душ слово мое, и Божие слово

Он не мог отступить в тот момент, хотя куда ему было тягаться с юным князем.

– Ты стар и сед, и без того в мире этом задержался, и вряд ли дотянешь до тех дней, когда твой бог придет сюда, тогда для чего все это? Слишком давно распят он, но не многих тронули рассказы о нем, – отрезал молодой властелин, он не мог сомневаться в своей правоте.

– Но и не сгинул он, хотя времени прошло немало, – упрямо твердил старец, он не хотел, чтобы последнее слово за князем оставалось.

Князь поразился тому, как строптив был грек. В глазах властелина мелькнула ярость. Грека же беседа эта утомила. И ощутил он вдруг смертельную усталость во всем немоющем теле своем, но особенно души его она коснулась. Спор был бесконечным и не имел никакого смысла.

И это было самое странное столкновение в его долгой и такой тяжелой жизни.

№№№№№

Грек стоял на холме и смотрел равнодушно и зло на тех, кто внимательно, с интересом за ними следил. Но, видя, что все кончилось, многие стали расходиться в разные стороны, не скрывая своего разочарования. Когда поляна опустела вовсе, он оглянулся еще раз и поплелся в свою хижину, состоявшую из одной только небольшой комнаты. Он медленно пережевывал что- то из пищи, что случайно оказалось под рукою, хотя есть совсем не хотелось. Больше всего желал он отдохнуть, забыться, но сон никак не окутывал его, и оставалось только в горьких раздумьях коротать ночь. Лица варваров – то тупые, то насмешливо – хитрые, мелькали перед ним и незаметно ускользали. Только лицо юного князя вырвала его память и хранила немного дольше, чем остальных. Он знал, что спор, который вели они, много дней будет продолжаться. Смогут ли они хоть о чем- то договориться? Как знать – ни во что больше не верил он, хотя знал, что в жизни всякое бывает.

За окном проходили женщины, говоря о каких- то своих заботах и бедах. Они были рядом, но казалось, что жили в совсем ином мире, его это не касалось и коснуться не могло.

Он боялся только одного – умереть на чужой земле (он так и не считал ее своей) и быть похороненным по варварскому обычаю – оказаться в погребальном костре. Если они не считались с ним живым, то вряд ли станут считаться с ним мертвым. Но еще больше пугало другое – в этом костре вместе с ним и бог его сгорит. И следа от него не останется.

Они совсем не думали о спасении, и готовы были, как и их предки, обратиться в прах. И напрасно говорил он о чудесной птице, которая подобно им, сгорает дотла и снова возрождается из пепла, юная и прекрасная.

Он заснул, наконец, и комната до утра погрузилась во тьму.

Еще один день его страданий завершился, но, сколько их еще оставалось? Порой он был убежден, что не выдержит такого испытания, но, отдохнув немного, стиснув зубы, шел дальше и знал, что ничего другого ему не оставалось.

Глава 2 Свет и тьма

Не только старый грек, обреченный страдать в чужом мире за Бога своего думал о сла-
вянах и молодом их князе Владимире.

О нем сейчас затеяли спор два существа, неожиданно столкнувшихся в этом мире.
И были это светлый, а потому казавшийся бесплотным Ангел с суровым и грустным ликом.
И темный, забавный и порой яростный любимчик Князя Тьмы, которого они называли Чер-
нобогом – Мефи.

Успел он к тому времени прославиться невероятной изворотливостью и хитростью,
и делал то, что хотел, ни с чем не считаясь, и бросался с особой радостью в любую заварушку,
стоило ему только учуять что-то интересное и важное для него. Выбирал он дела, в кото-
рых можно было отличиться и блеснуть всеми своими бесчисленными талантами. И теперь он
решил поболтать с вечным противником своим.

– Посмотри-ка на юнца, как он с твоим греком разделался? – усмехнулся бес. Он всегда
знал, как побольнее ударить безропотного и бесхитростного Ангела

– Он молод еще, – возражал Ангел, – а когда возмужает и ума наберется, все переме-
ниться может.

– Точно, надежда помирает последней, – притворно согласился, – только на многое
не рассчитывай. Я не позволю вам уродовать моего князя и мозги ему дурить, не выйдет.

Ангел молчал. Можно было не сомневаться в том, что бес сдержит свое слово, и не просто
будет стоять у них на пути, но и вредить и противиться столько, сколько ему этого захочется.
Это приводило его в уныние.

– Но если ему захочется к тебе переметнуться, – сам с собой разговаривал бес, – он
от скуки помрет, засохнет совсем. Да и что это за князь такой будет – святоша. Не бывать
такому, – вынес он окончательный приговор, – Зря стараешься, он умнее и хитрее, чем ты
думаешь.

Слова беса показались ангелу особенно обидными. И самое горькое – то, что он был прав.

И тот продолжал, воодушевившись:

– Он и среди викингов обитал, и с братьями своими разделался, ангелок наш, лучше
не стоять у него на пути для своего же блага.

Он торжествовал, ощущая перед святошей свое полное превосходство.

– Время рассудит нас, никто не может знать, как сложится и ты не ясновидящий, что-то
может и угадаешь. Но ничего тебе наверняка не известно. И не желая оставлять за соперником
последнее слово, Ангел растаял в пустоте.

Это было правдой. Он ничего не знал наверняка, но многое угадать мог, а что-то и сво-
ими руками творил, в отличие от этого чистоплюя.

Но в то, что их князь измениться может и к греку переметнуться, не поверил бы ни за что
на свете – не бывать этому.

Его память вернулась к тому столетию, когда Бог их ходил по земле и был распят. Если
признаться честно, на то событие в свое время он не обратил никакого внимания. Если бы
тогда он и знал, что и через 900 лет о нем вспоминать будут, может быть и присмотрелся бы
хорошенько. Велика важность, что среди разбойников казнен, был один невинный, но сума-
шедший проповедник. Если бы он к каждому такому происшествию присматривался.

Он помнил отважного Пилата, который выкручивался и готов был от всего на свете
отречься из-за этого проходимца. А потом об этом всем и вовсе небылицы разные сочиняли.
И он не знал, хотя все видел, что было правдой, а что они придумали позднее.

А тут еще этот грек, оказавшись черт знает в какой дали, самозабвенно повторяет эти сказки, словно сам присутствовал на том распятии, и верит в то, что сможет смутить эти дикие, варварские души., которые ничем пронять нельзя.

Все это время бес бродил среди их чудовищных идолов. Богов у них пруд пруди, и они, что самое удивительное, с ними как- то еще уживаются. Хотя, они такие же бесхитростные и угловатые. Они не такие святоши.

– Не забыть бы побывать на княжеском дворе, – отметил про себя бес, там они новый идол Перуну поставили. Если он в Сварге своем за ними следит, то должен им оставаться доволен. Хотя бес сам направлял руку мастера и предал ему некоторые и свои черты, но кто- то должен позаботиться, чтобы дело делалось.

Но, забыв о верховном боге, он снова стал думать о молодом князе. Сколько их было на памяти его? Но, кажется, этот пришел надолго, так просто стола своего он отдавать не собирается. Значит, стоит его навестить и обсудить подробно, как им всем жить дальше. Сказано – сделано – бес не привык себе ни в чем отказывать.

Глава 3 Новый идол

Мефи успел вовремя. На поляне перед дворцом княжеским собрались, кажется, все жители города, взиравшие на нового огромного кумира Перуна, вот уже несколько веков их главного божества. И хотя народу было очень много, стояла полная тишина. Большинство из них испытывали священный трепет перед изваянием Бога. Все ждали появления князя. Ждали от него жертвоприношения и благословения.

Князь появился в точно назначенный час. Мефи самодовольно оглядел его. Пожалуй, он был вполне сносен. В устах беса это звучало высшей похвалой для смертного. Он остановился перед Перуном, внимательно взглянул на бесстрастный лик истукана, легким движением руки подал знак к началу церемонии. И сразу же все пришло в движение. Люди пристально взирали на двух молодых парней, которые будут принесены в жертву богу. Жертвы ежились от холода или страха и что-то говорили, то ли друг другу, то ли в пустоту.

Они были молоды и красивы, и умереть должны были по княжеской воле. Осознавали ли они бессмысленность происходящего или просто тупо подчинились судьбе, было не ясно. Да и могла ли думать об этом толпа, жаждавшая зрелища жертвоприношения?

Новому кумиру нужна была человеческая кровь, значит, она и прольется. Мефи не отрицал, что этот обычай – дикое варварство. Но ведь кто-то его придумал, а они только слепо исполняли. Но русичи всегда отличались своей дикостью.

Он, размышляя о них, отвлекся от происходящего, а когда очнулся, услышал пронзительные крики убиваемых. Они его и заставили очнуться. Поморщившись, Мефи отвернулся, ему, в отличие от остальных, восторженно наблюдавших за происходящим, все это не могло понравиться. На новенький жертвенник полилась кровь. И он на глазах преобразился.

Одно дело – убийство по необходимости, – рассуждал Мефи, все дальше от них отодвигаясь, но если это доставляет удовольствие, то совсем другое дело. Они даже не задумывались о том, что нужно было их Богу. На этот вопрос должен быть ответ вразумительный. Но если он требует крови и смерти, но это не Бог, а Дьявол. И они должны убедиться в том, что «не убий» – это лучше, чем жестокое убийство. Иногда Мефи чувствовал себя философом, хотя это и был не его стиль. Нищих духом дикарей он презирал, хотя и не отказывал им во внимании.

NoNoNoNoNo

Тела недавно убитых парней все еще лежали у подножия идола. А он, измазанный кровью, выглядел зловеще. Вокруг него начинались ритуальные танцы. Князь молча отошел в сторону, не обращая больше внимания на происходящее.

– О чем думает он сейчас? – размышлял Мефи. Он тоже был недоволен увиденным. И вдруг он вздрогнул – прямо перед идиолом появилась вся в белом беременная Рогнеда. Ее лицо, считавшееся очень красивым, сейчас выглядело зловещим. Она озиралась по сторонам, стараясь отыскать князя. Она не о чем не говорила, но все было написано на почти безжизненном ее лице. И показалось Владимиру, что рядом с нею стоит тень убитого его старшего брата – такое испугает и взбудоражит кого угодно. Но за ее спиной была толпа танцующих, и они извивались в своем танце, пробуждавшем в душе князя самые низменные инстинкты. До сих пор Владимир старался не думать о ней, потому что никак не мог изжить в душе своей дикой вины перед дочерью полоцкого князя, которого он вероломно убил недавно. Она должна была стать женой его брата, но он с самого начала решил, что Ярополк не получит ни стола Киевского, и жены прекрасной, и при помощи огня и вероломства он лишил его всего этого. Это было похоже на нынешнее жертвоприношение. Его верные люди давно научились угадывать княжеские желания и исполнять все в точности. Когда ему донесли, что нашли его брата, заколотым в собственной постели в объятиях с мертвой его наложницей, он удивился искреннее этому известию. Словно и на самом деле не мог иметь к этому никакого отношения. Но все шло так,

как ему было нужно. Он не держал в руках ножа, не крался к нему во тьме, для этого были другие люди, а мысли и желания, кто может о них знать, кто за них судить станет, разве что боги, но и на богов можно найти управу.

Если кто-то его в чем-то и пытался обвинить – это были только догадки, а рот заткнуть любому легко можно было, пока в твоих руках такая власть над этим миром.

Какой-то тип потом, начитавшись книжек, рассказывал старинную историю о том, как один брат убил другого, позавидовав ему, но даже перед богом своим ни в чем не признался, сколько тот не пытал его – главное не признавать своей вины, и никто не сможет ничего сделать.

Князь разозлился, решив, что этому человеку что-то известно и про него самого, но он благоразумно решил сделать вид, что его это не касается. Говорят, в мире все повторяется, не случается ничего из того, что уже происходило когда-то. Но если об этом забыть, то со временем все будет похоронено. Их обычаи называют варварскими, но он пока был вполне доволен тем, что происходило с ним, и со всеми кто его окружал.

А на следующее утро по приказу князя лучшие мастера стали строить новый истукан, и сразу же решили принести и жертвы, чтобы остальные были счастливы, разве жалко одной пусть и молодой жизни?

Руками людей и было создано в те дни новое божество. В его дворце уже жила жена его брата, в знак того, что он не причастен к злодеянию и готов заботиться о ней и о племяннике, который скоро должен был появиться на свет белый. Но она казалась ему самым укором в женском облики, и все-таки приходилось терпеть это, чтобы как-то ненароком не выдать себя. Она почти не выходила из покоев своих в те дни, перепуганная и раздавленная тем, что происходило вокруг. Она не хотела видеть злодея, и ту, которая считала ее своей соперницей и ей приписывала все несчастья свои и смерти, которые свершились в те странные дни.

Но не только Рогнеда, но и она появились в тот день перед новым идолом, творение рук человеческих притягивало невольно многих. Нет, встречаться с ней Владимир в такой торжественный миг вовсе не хотел, потом, когда страсти улягутся, он побеседует с ней, и будет терпеливо объяснять ей собственное положение. Он незаметно отдал какие-то приказы и отправился прочь.

Глава 4 Странный сон

приснился князю через несколько дней. Сами собой распахнулись двери палат его, и вошел его бледный, словно полотно брат в белой рубахе с окровавленной грудью **Этот сон**

– Что тебе нужно? – повернулся к нему Владимир.

– Каин, – отчетливо произнес он, и повторил еще раз – Каин. Жертвы приносишь? Никакие жертвы тебя не спасут. Зачем еще и мальчишек убил? Не видно конца злодеяниям твоим, плохо ты кончишь, раб, вместе с ненасытным богом своим.

И при этом он захохотал. И этот дьявольский хохот заставил Владимира содрогнуться. В холодном поту пробудился князь среди ночи темной и дрожащими руками свечи зажег. В комнате никого не было. И думал он о том, что видно мало жертв принесено было, вот и подал ему Перун свой страшный знак.

– Каин – снова зазвучало проклятое это имя. Оно откуда-то было ведомо брату. И он упрекал его затее жертвы. Или наоборот, не надо никаких жертв? – догадался он – все напрасно, все бессмысленно. Но что будет, если он перестанет выполнять обычаи предков. И без того черные с новыми богами носятся. Пусть снится хоть Дьявол сам, но он не должен колебаться, не может сомневаться. Это только дурной сон.

NoNoNoNoNo

Княжеский указ разнесся по всему городу. Богу нужны новые жертвы. И все обернулись к юношам, которые еще вчера должны были участвовать в жребии. Для одного из них он и должен стать приговором, ему останется только смириться с судьбой, остальным боги даруют жизнь. Противиться небесам бесполезно. И собрались они снова на площади. На одном куске пергамента была та самая красная метка, остальные чисты.

Мефи появился точно в назначенный час. Он внимательно наблюдал за ждущими смертного приговора. Его взгляд невольно задержался на прекрасном лице юноши – грека. Его отец достал всех проповедями о новом боге

– Ну что же, старик, – подумал он и усмехнулся, – ты так яростно защищал своего бога. Посмотрим, спасет ли он от расправы сына твоего. Скорее всего, останется безучастным глухим и слепым, – предположил бес, но он точно знал, что произойдет на самом деле. – И тебе придется отдать его на растерзание князю – варвару. В этом ты уравнишься со своим богом, в свое время с ним поступили так же, тогда отчего он должен заступаться за твоего сына. И он будет смотреть на твои муки безучастно. Ты кричал о том, что он всемогущ, представилась хорошая возможность проверить это, посмотрим.

NoNoNoNoNoNoNo

По одному отходили юноши, показывая старейшинам свои чистые пергаменты, ни у одного еще не было красной отметки. Но они и сами еще не могли поверить в то, что жуткого испытания удалось избежать. Они отходили в сторону, стараясь поскорее затеряться в толпе. Очередь дошла до Иоанна. Вытащив свой пергамент, он страшно побледнел. Мефи первым заметил, как задрожала его рука. Один из жрецов схватил его за запястье.

– Новая жертва избрана богом, – понеслось над толпой.

Мефи ждал реакции небес, а потом усмехнулся и произнес:

– Глух и слеп, что и требовалось доказать, он не спасет ни раба своего верного, ни сына его. Ну что же, держись, старик, на твою голову выпали страшные испытания. Посмотрим, что станешь ты говорить после жертвоприношения, как будешь оправдывать его.

NoNoNoNoNo

В тот момент старик был в этой толпе. Он сразу все понял и бледный стал пробираться к жрецам, туда, где был его несчастный сын.

– Ты мыслил себя богом – сыном, но тебе придется испить чашу бога – отца, – странно мелькнуло в его сознании.

Он спотыкался, не чувствовал земли под ногами, его оттесняли в сторону те, для кого это было только любопытное зрелище, потому что оно не касалось их лично.

– Ты должен отдать своего сына на растерзания варварам, чтобы они исполнили свои дикие обычаи, от этой жертвы никому не станет легче – все напрасно. Они так жалки, злобны и жадны, они в дикости и алчности своей так жаждут невинной крови, что ни за что не отступятся.

Он вспомнил надменное и самодовольное лицо молодого князя Владимира, и понял, что просить его о чем-то бесполезно, замаливая собственные грехи, он не остановится ни перед чем. Каким же жалким и беспомощным ощущал себя в тот миг старик.

Когда он вошел в свое жилище Иоанн был уже дома. Они отпустили его. Он взглянул в лицо отца и отвернулся.

– Мне с детства не везло во всех играх, – тихо произнес он, – бежать бесполезно, нас не выпустят из города, мы не уйдем далеко. Но мне так не хочется умирать в диких игрищах этих варваров, – вдруг произнес он с таким отчаянием, что сердце старика готово было разорваться на части, он держался из последних сил. В голосе сына слышался упрек. За то, что тот обрек его на эту жизнь, и на такую смерть. И на это ему нечего было ответить.

– Такова воля бога, – только и говорил он, не веря собственным словам, но нужно было хоть что-то сказать.

– Но зачем это ему нужно, чем ты так прогневал его? – не мог успокоиться он. – Неужели я пришел в этот мир только затем, чтобы волосатый дикарь зарезал меня около черной деревяшки, где они совершают свои безумные танцы. Почему твой добрый и разумный бог не останавливает их, если он все видит, если он справедлив?

Он говорил и говорил. Но священник больше не мог слышать всего этого.

Глава 5 Расправа

Старик молился всю ночь своему богу, прося у него сил перенести все это. Он точно знал, что произойдет еще более страшное, чем обещано, и потому он хотел, чтобы рассвета не наступило вовсе. Он с трудом поднялся с колен, зная, что ворвутся княжеские слуги, и он должен будет стать не гневным свидетелем и обличителем, а жертвой. И он не сможет от них защитить собственного сына. Большого разочарования в его жизни не случится уже никогда. Но оставалось только надеяться на чудо. Воскресил же он Лазаря, но зачем воскрешать, если можно просто отвести руку палача.

№№№№№№

Князь Владимир проснулся поздно. Он досадовал на то, что обряд назначен на такой ранний час. Он не успел выспаться – пир затянулся, они все никак не могли договориться о том, как действовать дальше и что нужно делать в первую очередь.

Но нужно было примириться с тяжелой княжеской долей. Впрочем, делал он это без особых усилий, и много чего совершить пришлось, чтобы эта доля стала такой.

Привели юношу. Толпа казалась огромной. Взглянув на старика-грека, князь усмехнулся. Какое странное совпадение – в жертву приносят его сына. И князь не может отменить воли богов. Таков выбор жребия, значит, Перуну так угодно, а он только князь и как все вокруг, должен подчиниться его воле.

Владимир тогда еще не знал, что девять столетий назад другой человек у распятия также страдал и оправдывался, и был уверен, что он ни в чем не виноват. Этому странному совпадению он удивится позднее, когда будет вспоминать о распятии и о жертвоприношении. А в тот день оно поразило беса, которому не только все было прекрасно известно, но он, как всегда, был причастен к происходящему.

– Так вот почему на его проповеди я вспомнил Пилата, – вдруг подумал он, все повторяется, в этом мире не случается ничего нового.

Все было привычным, это не первое и не последнее жертвоприношение, и только когда над юношей был занесен меч, какая -то удивительная сила отбросила жреца в сторону. Он упал к подножию кумира Перуна. И все замерли, и кто-то видел, а кто-то почувствовал, что он мертв. Страшные пронзительные крики стали раздаваться со всех сторон. Старик бросился к своему сыну, думая только о том, что чудо совершилось, он решил забрать его, пока было замешательства, и убраться подальше, чтобы не испытывать судьбу дважды.

Князь оказался рядом, и он крикнул ему:

– Останови своих палачей, это знак небес, не отдавай юную жизнь деревяшке, бесчувственному истукану.

Князь не успел ничего ему ответить, Владимир был в замешательстве, хотя и понимал, что как можно скорее надо принимать какое-то решение, толпа огромна, и в любой момент может случиться непоправимое. Но он не успел ничего сделать. Толпа обрушилась на старика и юношу. Растерзанные тела их в ярости были брошены истукану, которого он поносил минуту назад, а кто-то уже бросался на других, просто стоявших рядом. Но громкий голос князя, мощный и громоподобный, остановил все разом. Они расступились, когда он двинулся на них, обнажив свой меч, и готовый карать любого, кто пошевелится. К нему на помощь бросились его верные богатыри, которых до сих пор не было видно нигде. И все стихло. Князь добрался до своего бога.

– Вместо одной тебе принесено три жертвы. Ты доволен? – спросил он тихо, вряд ли собравшиеся могли расслышать, то, что он говорил, но они все-таки прислушивались к его словам.

Перун так и оставался молчаливым свидетелем этой жуткой расправы.

– А если он и на самом деле только деревяшка, – вдруг подумал Владимир. – Не он же прикончил своего жреца, а тот, другой бог.

Но он постарался не думать об этом, так можно было далеко зайти в своих крамольных помыслах. Князь жестом приказал толпе расходиться. И она зашевелилась – больше тут смотреть было нечего. Они уходили, вполголоса говоря он том, что случилось на этот раз. Многие получили настоящее удовольствие от увиденного и спорили о том, кто же из них прикончил ненавистного жреца, и священника, впрочем, про своего жреца, они все-таки предпочитали молчать, это было необъяснимо и загадочно, другое дело чужой священник – это их рук дело.

Но князь думал о жреце, почему он мертв? Перун не хотел этой жертвы, или вмешался новый бог. Но если правильно второе, то ему и народу его, этот бог еще отомстит за расправу, за неверие и жестокость. Страх часто поступал к горлу его. И в такие минуты он был уверен, что задыхается, но он не собирался подавать видам – они не увидят его слабости. Хотя так хотелось понять, что же произошло на самом деле перед кумиром Перуна.

NoNoNoNo

А тем временем Мефи вернулся к Князю Тьмы. И он был странно сконфужен. Князь взглянул на него удивленно:

– Изволь объяснить, дружок, чем ты там занимаешься? Что за шутки такие? – на лице его было настоящее удивление.

– Мне кажется, что ты влезаешь туда, куда не следует, – говорил он тихо, но в твердости голоса слышалась настоящая угроза. Он не собирался скрывать своего недовольства.

– Влезаю, – согласился бес, разве с этим поспоришь, – но я не терплю, когда все на одного. Правда, проку от моего вмешательства мало, но может, меньше желающих будет идти в палачи, да и князек их всполошился и задумался крепко. Хотя его трудно в чем-то убедить, строптив больно.

– Толпа по твоей милости прикончила старика. Что это за бесовы штучки? Думаешь, Ему такое понравится?

– Но я не предполагал, что они такие звери. На это стадо нет никакой управы. И как еще убедить князя, что не деревянные болваны, а мы миром правим? Из него надо сделать верного божьего сына, ты Святославу обещал, – напомнил бес своему повелителю.

– Ты по своему усмотрению действуешь, – возмутился князь. Он знал, что с бесом не справиться никому. Тот строит из себя невинность, выкручивается из любой заварушки, но все видит и знает лучше всех в мире.

– По твоему усмотрению, – услышал он ответ беса на свой вопрос. Такую наглость никто не стал бы терпеть, но не самому же ему отправляться разбираться с этими славянами.

Мессир молчал, давая понять, что разговор окончен.. Неясно было одно – доволен ли он своим помощником или нет.

Но узнать этого в тот момент бес никак не мог, потому что боялся гнева повелителя. Надо посмотреть, что и как дальше происходить будет, что из отдельных происшествий получится в итоге.

NoNoNoNoNoNoNo

Засыпая после длинного и суматошного дня, князь Владимир вспомнил слова старика, который уже разговаривал со своими богами на небесах, слова о том, что если идол Перуна – настоящий бог, то пусть он извлечет сына из его объятий. Он помнил зловещее молчание идола.. И он в тот момент показался ему пустой и бесчувственной деревяшкой, – в его душе нараждался бунт против бога предков.

Но тот, другой, почему он должен был верить ему?

Глава 6 Испытание судьбы

О странном происшествии на княжеском дворе еще долго говорили в городе. Убеждали всех, что это колдовство, которое опутало умы и души людские. Многие ждали страшного наказания неведомого бога, и обрадовались несказанно, когда тело старика и его сына бесследно исчезло. Они убеждали себя, что это было только дьявольское наваждение, а на самом деле ничего такого и не случилось.

Но память людская стирает даже самые яркие события, потому что все заговорили о том, что князь тайно отправил из дворца Рогнеду – любимую жену свою, вместе с сыном. Очень она ему досаждала угрюмым видом своим и недовольством всем, чтобы он для нее не делал. А скорее всего, это совесть и видения расправы над славным князем, ее отцом, не давали ему покоя.

Никто не видел, как она уезжала. Но никто не сомневался в том, что во дворце ее больше не было. Появились юные веселые наложницы, которые с радостью исполняли все желания князя. Теперь о сладострастии его ходили невероятные слухи. Избавившись от темной страсти своей, князь словно понял, что он снова на свет народился, и ему все дозволено, все во власти его. Князь казался веселым и влюбленным во всех девиц сразу. Вассалы его были уверены в том, что страшные происшествия изгладятся из его памяти. Но однажды вечером, когда пир подошел к концу, и он уже хотел отправиться в покои, он оставил и воинов и девиц своих в напрасном ожидании, поднял свиту свою и ускакал в ночь в неизвестном направлении.

Напрасно пытался князь Владимир доказать и себе и всем, кто был с ним рядом, что он разлюбил Рогнеду. Именно к ней летел он, и черный конь его рассекал ночную тьму.

И хрипели кони дюжины воинов его за спиной у князя.

№№№№№№№№

Чувство вины перед любимой женщиной бросает любого на самые безрассудные поступки. И неуязвимость собственная толкнули Владимира в ту ночь в черную пропасть. Но разве впервые князь испытывал собственную судьбу? Он вошел в дом в центре строившегося града, который собирался назвать именем их первенца, и причина казалась уважительной – Рогнеда должна была смотреть за тем, как строится этот город.

И когда увидел он ее, то понял, что с этой гордой и насмешливой женщиной, которую он сделал такой несчастной, связывает его больше, чем хотелось бы.

Она была его первой женщиной, и ненависть и презрение ее было слаще любви и покорности всех остальных. И упрекал себя князь в жестокости по отношению к ней. И был уверен, что и на этот раз останется с ней до рассвета. Она заслужила того, чтобы он подарил ей это высшее наслаждение.

А княгиня должна подарить ему еще сыновей, чтобы никто не смог их, потом упрекнуть в том, что они сыновья рабыни или наложницы, с которой князь был какой-то срок, но женой своей он ее делать не собирался. Он знал, что до самого смертного часа не забудет горькой обиды, которую причинил его великий и славный отец – князь Святослав. И эта горькая обида столько бед заставила совершить.

Удивилась внезапному появлению князя, но как обычно промолчала Рогнеда. Лишь в зеленых глазах ее оставалась усмешка.

– Что это вдруг, или девицы в Киеве у тебя перевелись, ублажать тебя больше некому, если уже и до меня очередь дошла? – спросила она его, когда он обнимал ее так, словно все происходило в последний раз и они должны проститься навсегда.

Владимир отстранился от нее и взглянул пристально, все в душе его клокотало от ненависти, которая в следующий миг (и так было всегда) готова была обернуться любовью.

– Ты не рада видеть своего мужа и князя? – вырвалось у него.

Она бросала вызов, снова и снова казалось ему, что она все делает для того, чтобы он убил ее и избавил от тех мук страшных, которые ей причиняет.

– Я рада тебе, – усмехаясь, говорила Рогнеда, – и любовь твоя всем известна, народ наш не обманешь, а не они ли прозвали меня Гореславой?

Слышал не раз об этом прозвище Владимир и убил бы того, кто такую глупость первым произнес, да где же его сыщешь?

Ничего не сказал на это Владимир, опустился он на кровать и закрыл глаза. Но она знала, что всегда будила в нем зверя, он в такие минуты впадал в ярость и забывал обо всем на свете. Она стояла неподвижно около окна и смотрела на спящего князя, и вдруг так захотелось ей от него избавиться одним махом, и какое-то время пожить в покое, найти любовь и нежность, такую, какой в жизни ее никогда не было.

Как мирно спал он, но усмешка победителя не сходила с лица его. Несколько бессонных ночей провел он в разгулах, а к ней примчался, чтобы передохнуть и поиздеваться над вечной пленницей своей.

Медленно поднялась Рогнеда и отошла от окна, словно опомнилась на миг. Какая ненависть была во взоре ее. Она понимала, что должна сделать, чтобы раз и навсегда от него избавиться.

Припомнив все обиды, увидев снова мертвые и изувеченные тела близких своих, собственную беспомощность, она выхватила кинжал, который всегда лежал у нее под подушкой и размахнулась...

Мефи понял в тот момент, что произойдет непоправимое, и стрелой метнулся к кровати. Он тряхнул так яростно Владимира, что тот вздрогнул всем телом, мгновенно проснулся и увидел занесенный над его грудью кинжал.

Он так яростно швырнул Рогнеду на пол, что и сам чуть не свалился рядом с ней, потеряв равновесие. Она тяжело ударилась, шум разнесся по всему дому, и во тьме, все кто были поблизости, встрепенулись. Он уже осознал, что было бы с ним, если бы какая-то сила не заставила его проснуться за миг до беды. Но ни близости смерти испугался грозный князь, он столько раз прежде заглядывал ей в глаза, а того, что происходило вокруг него, ее ненависти, собственной любви, и бессилия перед происходящим. Как много всего этого было вокруг. Это было самое страшное предательство из всех, которые ему приходилось пережить когда-то. Он был самодовольно уверен в том, что успел загладить свою вину. И это сделала та, с которой он только что предавался любви.

Но кто она, ангел или дьявол во плоти, кто отвел ее руку. Он знал точно, что это останется для него вечной загадкой. А может Перун, в благодарность за жертвоприношение и спас его в трудную минуту?

Женщина лежала на полу неподвижно, когда он взглянул на нее, ему показалось, что она умерла. И служанка еще долго не могла привести ее в чувства.

Глава 7 Наказание

Она все еще не шевелилась, и князь облегченно вздохнул, решив, что она умерла. Но Рогнеда вздрогнула и пришла в себя, потом стала медленно подниматься с земли, подбежал кто-то, чтобы помочь ей.

И недавняя его жалость и даже умиление мгновенно сменилось яростью.

– Проклятие, – прошептал князь, – ты жива, а я думал, что ты избавишь меня от расправы.

Больше он даже не пытался скрывать своих истинных чувств. Готовься к смерти, обряджайся в свой брачный наряд. Я отправлю тебя прочь. Когда готова будешь, я вернусь. Ни сомнения, ни жалости не было больше в душе его, ярость и страх затмили все другие чувства. Он с таким же удовольствием убил бы ее теперь, с каким ласкал час назад. И был уверен в том, что разрубит этот проклятый узел страсти, которая отнимала у него остатки разума.

Себя же он упрекал за слабости, которые привели его сюда в очередной раз, и за то, что напрасно рискует он своей бесценной жизнью.

Сколько времени стоял князь Владимир около окна в соседней комнате, ожидая пока она готова будет принять смерть из его рук, как великую милость, сказать трудно. Но забрезжил рассвет, и он понял, что должен возвращаться. Пора было покончить с этим навсегда. И вдруг он взглянул на свою руку и заметил, что сжимает рукоятку кинжала, которым чуть не был убит недавно.

– Ты убьешь ее, как убил ее отца и братьев, и на этот раз рука не дрогнет, – зазвучал совсем близко противный голос.

– У меня нет другого выхода, – спокойно говорил князь.

Он не повернулся и не посмотрел на того, кто все это говорил. И Домовой понял, что в доме, где он так привык к миру и спокойствию и столько времени наводил свои порядки, сейчас разыграется настоящая драма, и сам он не сможет спасти свою княгиню. Потому он пробрался в комнату ребенка, и разбудил мальчика, и подтолкнул его к матери. Мальчик оказался там немного раньше князя, удивленно смотрел на мать в белом наряде, и по виду ее почувствовал, что совершается что-то дикое и страшное. А когда он увидел князя с кинжалом в руках, то даже не думая о том, бросился прямо к нему. Пронзительный крик раздался за его спиной, она просила его уйти, спрятаться.

– Уходи, что ты хочешь сделать, – спрашивал он, – ты не тронешь ее, злодей, иначе тебе не поздоровится.

И он расставил шире ноги, стоя на пути князя.

Такого поворота событий князь не ожидал. Он вовсе не хотел, чтобы ребенок, который может стать его наследником, видел то, что тут будет происходить и запомнил это навсегда, ему не нужно было умножать свою дурную славу, и без того слухов скверных о нем было больше, чем обо всех его предшественниках, вместе взятых.

– Ты ошибся, это она хотела убить меня вот этим кинжалом.

Он отбросил оружие в сторону и пошел прочь. Он понимал, что удача, а может, и боги были на ее стороне, они и не позволили совершиться задуманному. А ведь миг назад он думал, что нет силы, которая способна остановить его.

№№№№№№№№

Когда Владимир покинул проклятый дом, на улице было светло, пронзительно кричал петух. Ночь, наполненная самыми дикими страстями, неожиданно завершилась. Он знал, что никогда больше не переступит порог этого дома. Парень обещал убить его, он будет жить с мстью в сердце, зло всегда возвращается, на что еще он мог рассчитывать в своем скверном мире, где все, даже любимая женщина, брат и сын хотят только одного – его смерти.

Но разве кто-то может понять главное – он защищает то, что ему должно было принадлежать, и только волею каких-то странных обстоятельств всегда доставалось другим.

Он не совершил возмездия, и это и угнетало, и радовало его, кто может знать, что и как отзовется в дальнейшем, но ни на что доброе и хорошее надежды у него все равно не было.

– Он не придет больше, – говорила Рогнеда, когда гладила голову своего сына.

Хотя она никак не могла понять, почему это ее так огорчает, а ведь должно было обрадовать, но нет, этого не получается.

Она хотела оставаться княгиней до конца, а это можно было чувствовать только рядом с князем. Вот что смущало ее больше всего.

Рогнеда чувствовала, что у нее отнимаются ноги, с трудом поднялась она с постели, сдирая с себя проклятый наряд. Она понимала, что тело ее могло уже догорать в поминальном костре. Но судьба решила, что муки должны продлиться.

– Но что такое жизнь, почему дается она мне как страшное наказание. Что было в ней кроме горя, смертей, насилия. Даже самые светлые минуты оборачивались кошмаром. Нынче все обошлось, князь уехал к себе, уехал навсегда, но опасность будет до тех пор, пока она жива. Остается только тоска и одиночество.

Глава 8 Ведьма

Княгиня отправилась на прогулку в то утро. Старуху, которую она никогда не видела прежде, встретила на опушке леса. Колдунья, долго на нее взиравшая, кажется, сменила гнев на милость. Словно признав старую знакомую, и отсвет ласковой улыбки появился на ее изрытом морщинами лице.

– Вот и свиделись мы, Горислава, – тихо говорила она.

Рогнеда подняла на нее удивленные глаза.

– Как ты назвала меня, старуха? – переспросила она сердито, не особенно приятно было слышать такое от неведомой старухи.

– Это не я, это все вокруг так тебя зовут. И недаром люди прозвища придумывают, горе все время рядом с тобой ходит.

– Но откуда ты меня знаешь? – удивилась она.

– Я долго прожила и много знаю, и то ведаю, что хочешь ты вернуть назад князя, которого Владимир прикончил, а ему отомстить за все то зло, которое сотворил он. Я могу тебе помочь кое-что для этого сделать. Возьми кольцо князя, зашей его в ладанку и носи семь дней на груди у себя, на восьмой день он вернется к тебе. А когда придет, вот и поднеси ему это питье. И ты за все свои страдания будешь отомщена. Рогнеда сначала хотела отдать его назад, но старуха уже бесследно исчезла. Она невольно взяла его с собой, выбрасывать не стала, все может пригодиться тут. Потом сняла перстень с пальца и зашила его, как велела старуха. Но когда все сделала, помедлила немного, не знала она точно, хочется ли ей, чтобы возвращался он или нет.

Прошло семь мучительных дней. Она боялась оставаться в этом городе в одиночестве, но еще больше боялась его возвращения. А если старуха права и он вернется. Она хотела снять ладанку, но так и не сделала этого. Какая-то сила ее удерживала.

NoNoNoNoNoNoNo

Князь появился на восьмой день. Она взглянула на него злорадно, но вышла навстречу. Колдовство осуществилось или это только совпадение?

Но князь не спрыгнул с коня своего. Он сказал только, что дарует ей и сыну этот город, названный именем мальчика, и повелевает навсегда тут оставаться. Он мог бы прислать гонца с таким известием, но явился сам, чтобы увидеть ее лицо в тот миг, когда говорить об этом станет. Не сразу до Рогнеды дошли его слова. Наконец она поняла, о чем он говорит ей.

– Ты оставляешь меня здесь навсегда? – удивленно спросила она, словно и на самом деле надеялась на большее.

– Я отдал тебе город, хотя должен был казнить тебя, – говорил ей в ответ Владимир, и ты смеешь быть недовольной?

– Смею ли я? Великий князь щедр, за что же меня прозвали Гореславой в народе твоём, но знай, что отольются тебе мои слезы, ты за все заплатишь.

Ничего на эти угрозы не ответил ей князь, повернул он коня своего и помчался назад.

– Вот и делай добро после этого, – думал он на обратном пути.

А Рогнеда взывала к богу своему, и умоляла его наказать вероломного князя. Она знала, что так просто не закончится все это, сын против сына и брат против брата войной пойдет.

И странная перемена во всем ее облике случилась, в усмешке рот искривился. И Владимиру все мерещилась не Рогнеда, а сгорбленная старуха. Он зажмурился, покачнувшись в седле. Когда открыл глаза, вокруг тянулись вековые деревья, видение исчезло.

Словно неприкаянная бродила она по городу и дому ей подаренному, и говорила себе, что так лучше, так и должно было случиться, она не хочет его видеть и ничего знать о нем не желает.

– Вернулся, колдовство, – почти в отчаянии говорила она, -да никуда он возвращаться не собирался. Город на краю света, вечное изгнание, вот все, чего я и добила в этом мире.

Сначала ей самой хотелось выпить то зелье, которое дала ей старуха. Но она взглянула на сына, стоявшего с ней рядом, и поняла, что пока даже этого не может себе позволить. Смириться – вот все, что ей оставалось. Она давно подозревала, что князь – сам Дьявол во плоти, никакое колдовство против него не поможет. Она должна была об этом раньше догадаться. Разве простой смертный может совершить все эти злодеяния?

Глава 9 Испытание верой

Вернувшись от Рогнеды, приблизился Владимир к своему кумиру. На этот раз тот не казался ему ни страшным, ни величественным. Он был просто большим и грустным. И видны были следы резца мастеров, которые делали его когда-то, какие-то шероховатости дерева, из которого он был сооружен, и темные пятна засохшей крови впитались в дерево, навсегда останутся отметинами. И словно живой, стоял перед ним старик. И вглядываясь в отрешенное лицо князя, он смеялся над ним. И слышались его слова:

– Не смей дарить жизнь деревяшке.

Владимир чувствовал, что грядет прозрение, так не может продолжаться долго. Князь не верил больше в своего идола, не считал его всемогущим богом. Ему хотелось бы верить, но не было на то сил. Гордый грек, умирая, презрительно назвал их дикарями и варварами, и, скорее всего, был прав.

Тогда и решил князь призвать к себе разных проповедников и послушать их внимательно, пора было что-то изменить в мире его, пока у него еще оставалось для этого время. Пока он бродил впотьмах, иные уже нашли истину. И хотя ему удалось извести старика, но дух его продолжал здесь жить и требовал перемен. Он не собирался оставлять своего палача в покое.

Разве мог тогда князь предположить, что так все обернется?

№№№№№№

Весть о том, что князь интересуется чужими верами, многих встревожила и заставила роптать. Где это видано, чтобы отказываться от богов своих предков, с которыми те всегда жили в этом мире, наверное, не глупее их были и верили лучше. Даже Рюрик и чужак Олег на такое не пошли, так как смеет этот такие бесчинства творить?

Они были уверены, что сын рабыни навлечет беды на их земли, да такие, что век им потом не расплатиться.

Но к людскому ропоту великий князь прислушиваться не собирался.

– Твой Перун, княже, ничего хорошего тебе после смерти не обещает, – говорил Мефи, когда он натолкнулся на Владимира случайно. Пустота – это все, что тебе остается, а тебе хочется, чтобы было что-то потом, за той чертой, куда шагнуть придется, пусть радость или мука, но хоть что-то.

Эта насмешливая реплика стала той последней каплей, которая лишила князя сомнений.

№№№№№№

И пошли к нему иноверцы, каждый другого опередить хотел.

Первым католиков выслушал князь с тем уважением и вниманием, на которое только и был способен. И все вроде бы неплохо было, но обет безбрачия у жрецов их страшно смутил князя. И яростно он этому обычаю возмущаться стал. А когда стали говорить о том, что папа власть ему вручать будет, и вовсе помрачнел князь. Он был уже твердо убежден в том, что такая вера ему не подходит. Он слишком большую цену заплатил за свой стол и положение свое даже минимальной опасности подвергать не собирался.

И быть вторым Владимир не собирался никогда. Князь принял решение и поблагодарил священника. На прощание поинтересовался, нарушают ли они обет безбрачия, как такое могут вынести эти люди. На это священник укоризненно промолчал, показывая, что не ожидал большего от именитого варвара, погрязшего в разврате. Он перекрестился за порогом гридни и исчез.

А погрязший в разврате, греховный князь уже смотрел на мусульманского священника. И тот рассыпался в похвалах, обещая ему загробный рай, где встретят его прекрасные девы, вечную и прекрасную жизнь.

Это совсем другое дело, – с радостью подумал князь, но в тот момент мусульманин заговорил об обрезании, и задумался князь глубоко. Уж если вера сопровождается таким обрядом, то стоит ли начинать это. Удивлению его не было границ, и улыбка пропала с лица сама собой. А мулла, увлеченный собственным рассказом, никак не мог понять, в чем он просчитался, что так напугало русского князя. Но судьба веры его уже была решена, он понимал, что может быть главная схватка в его жизни проиграна, и поспешил откланяться.

Перед князем появились иудеи. Он уже порядком устал к тому времени, но решил, что нужно дослушать всех и потому разом покончить с этим.

– Где отчизна ваша? – спросил он сразу

– Иерусалим, – дружно ответили эти люди, – но бог разбросал нас по всему белому свету, в наказание за грехи отцов и дедов наших.

– По всему свету? – удивился князь, – но как тогда вы можете учить других. На лице князя появилось удивление, и не нашли, что ответить мудрецы, так и оборвался, не успев начаться разговор этот странный.

Наша вера устарела и иссякла, но что же выбрать должно дальше? – недоумевал князь Владимир.

Ни одна из вер не привлекала его внимание. Стоит ли бороться за то, что порочно с самого начала, к чему не лежит сердце.

Снова возник перед глазами его образ грека. И подумал он о том, что может быть потому и не устраивает его ничто из предложенного, что не оставляет его убиенный грек и никогда оставлять не собирается.

И захотелось ему узнать об этой вере побольше.

– Ты слишком привередлив, княже, – услышал он голос рядом, – но старик, тобой убиенный не оставит тебя в покое.

– Я не убивал этого старика, – яростно возмутился Владимир, – таков был жребий. Он был строптив и бросил вызов моему народу. Он сам уготовил себе такую смерть.

Расхохотался бес. Поежился князь от такого дикого и противного смеха.

Глава 10 Блеск и нищета

И снова встретились они – бес и ангел. На этот раз около княжеского замка столкнулись эти двое.

– Наш князь измаялся за последнее время, я не думал, что в дикой душе его будут такие перемены, – начал свой обычный разговор ангел.

– Смотри, – усмехнулся бес, – он вообще скоро в святоши заделается и в твои объятия попадет, хотя я не очень понимаю, зачем ему это нужно, туповат что-то стал, видно таких тонкостей и не понять мне.

– И мне с трудом верится в такие перемены, – размышлял Белый, не слыша насмешки противника своего, но как сможет он людей своих в новую веру обратить, ведь это даже Ольге в свое время не удалось.

– Людишки податливы, – заверил его Бес, – а эти всегда грозной силе княжеской подчинялись, потому что сами ничего делать не желают. А потом благодарить будут, да и насилие быстро забывается, а обморочить кого угодно можно очень быстро.

№№№№№

Князь с нетерпением ждал нового грека, который не особенно торопился к нему ехать. Он точно знал, что это свидание и заставит его определиться. И призраки бабки его Ольги навещали в те дни, и казалась ему, что она была им довольна, как никогда его отцом довольна не бывала, потому что о новой вере он даже думать не хотел, и только угрюмо от нее отмахивался.

Но, наконец, вошел к нему молодой и угрюмый грек. Ему была известна страшная судьба его предшественника, и все-таки он рискнул предстать перед князем русичей.

Он готов был умереть за веру свою, но в глубине души надеялся, что этого все-таки не случится на этот раз, иначе не стал бы так упорно посылать за ним Владимир.

Несколько вечеров подряд слушал его Владимир и расспрашивал подробно о том, что непонятно ему было. И подкупали его душу красивые, но одновременно очень страшные по жестокости своей сказки, которые иногда казались ему знакомыми, уже пережитыми однажды.

Казалось, что всплывали они из глубины его памяти. И он, живя в придуманном мире, не торопился, не перебивал рассказчика. А может быть это старик, неотступно за ним следовавший, заставлял его прозреть. И больше всего волновала его загробная жизнь. Он хотел заглянуть за грань бытия, туда, где находился старик, и княгиня Ольга, и многие из тех, кого больше не было на этом свете.

А рассказчик был гибок и мудр, кожей своей чувствовал он то, что больше всего должно было интересовать князя, то о чем страдала душа его. Он завел речь о рае для праведных, и подземном мире, где томятся все грешники, не раскаявшиеся в скверных делах своих. И вздрогнул князь, услышав самое главное, и впервые заглянул в глаза правде. И видел он собственное будущее, от которого исходило ужасное что-то и дикое. Да и было о чем задуматься, помрачнел ликом князь. В скольких же кругах ада одновременно может оказаться его несчастная душа.. Он не мог припомнить, сколько всего скверного уже случилось, сколько еще случиться должно. И подумать о том страшно было. А если этот человек во всем прав? И старик ему о том же говорил, и Рогнеда высшим судом угрожает. За все видно расплачиваться придется. Что говорила ведьма – наложница проклятая.

Он оглянулся, возвращаясь к реальности, и вспомнил о рассказчике, заметившем растерянность и замешательство на непроницаемом его лице. Он многое видел, о многом догадывался, но быстро сделал вид, что ничего ему было неясно и неведомо. И проговорил смиренно жрец: «Благо добродетельным и горе злым, крестись и будешь в раю, и раскаянье искренним искупишь все грехи тяжкие. Бог милостив, он все простит.

Он успокоил князя и подал ему надежду. И князь поверил, потому что больше всего ему хотелось верить. Он стал надеяться на спасение и прощение. И даже сам дивился тому, как запали ему в душу все эти надежды и легенды о спасении.

Слухи о том, что князь не только не прогнал грека, но и несколько дней внимательно его слушает, заставили народ его тихо зароптать, они почувствовали грядущую беду. После расправы над Стариком, они были уверенны в том, что с верой этой пусть и грубо и скверно, но покончено навсегда, и перемена такая не могла их не обрадовать. Но они обратили взоры к идолу, прося вразумить их князя и защитить их от его безрассудства.

.Но молчал безучастно деревянный бог, возможно, он был обижен на то, что много лет не приносили ему никаких жертв. Тихонько напомнили об этом князю, но он и слушать их не захотел, а без его согласия на такой дерзкий шаг никто и не решился бы никогда, потому печальным и забытым показался им Перун, он словно померк от непонимания к себе.

Нот молчал безучастно древний бог, может обиженный из-за того, что много лет не приносили ему никаких жертв. Тихонько напомнили они об этом князю. Но и слушать своих подчиненных он не хотел. А без его согласия на такой дерзкий шаг никто и не решился бы. Потому печальным и забытым показался ему Перун. Он словно бы померк от невнимания к себе. Внимания толпы ему, вероятно, было мало.

NoNoNoNoNo

Пока Владимир для себя ничего не решил, не объявлял он о своем решении, но на Перуна смотрел совсем другими глазами, ничего не связывало его с внезапно померкшим божеством. Зародившееся когда-то недоверие со временем стало все сильнее. Ему показалось, что и идол смотрит на него осуждающе.

– Неужели наши предки столько лет поклонялись деревяшке? – удивленно думал он, – отвергни мои сомнения, если ты существуешь? Укрепи мою веру в тебя, – почти возмутился он. Долго и пристально смотрел князь на идола. Но ничего не происходило. Ни одна тучка не пробежала по небу. В мире этом стояла ничем ненарушимая тишина. И только какая-то птица, поднявшись высоко в небо, понеслась прочь, словно бы душа кумира навсегда покинула, отвергающего его князя.

– Ты – истукан, – вынес он свой приговор, видя, что ожидания напрасны, – ты ничего не хочешь сделать для того, чтобы я в тебя поверил, чтобы удержать меня, и я тебе больше не верю. И пусть разразит меня гром (Владимир взглянул на небеса), умертви меня, если я заблуждаюсь, а ты что-то можешь изменить.

И снова была тишина. Князь молча отошел от него.

Думал ли он тогда, сверху вниз глядя на грека, что совсем скоро заговорит его языком, что признает то, что тот оказался прав. Упрямый старик после своей страшной гибели, перевернул душу князя. Или это бог его такой страшной жертвой раба своего возмутил, а через него в свою веру и весь народ обратил. Старик играл одновременно две роли: отца и сына, обрекая на муки и перенося эти муки мужественно.

Он умер за веру свою, за то, чтобы князь русичей отвернулся от божка своего и обернул свой взор в сторону истинного бога. И оставалось только убедиться в правоте его. Потому он и не отвратил толпу от старика. И все-таки добренький бог их жесток даже к верным рабам своим, но он обещает им вечное царство небесное. Не дурная награда за муки и страдания, здесь перенесенные.

Глава 11 Еще одно свидание

Внимательно следя за происходящим, на этот раз не доверяя даже любимцу своему, Мессир решил спуститься на грешную землю сам и посмотреть, что там происходит. Что было у него на уме, известно только ему одному.

Воланд остановился перед огромным озером, недалеко от дворца Владимира и недолго думая, решил он обернуться его убитым братом. Взглянув в озерную гладь и убедившись, что сходства более чем достаточно, он остался доволен. То, что испугается или расстроится князь, ничего страшного, он не из робкого десятка, а про грешки бесчисленные напомнить ему не помешает. Не в своем же обличье появляться, вот он и выбрал подходящую личину для того.

Медленно прошел мнимый Ярополк мимо изваяния Перуна.

– Ну что, братец, стоишь еще, не до конца тебя развенчали, в речку не сбросили. Ничего. Недолго осталось тебе тут прохлаждаться. Они тебя даже памятником прошлому своему не оставят, потонешь в темной воде днепровской, потому передо мной нос можешь не задирать.

Входя в княжеский дворец, Мессир взял какую-то девицу за плечо и потребовал отвести его к князю. Девица не испугалась, она видно была тут новенькой, и об убитом князе мало чего знала, или почувствовала, что незнакомец ей ничего плохого сделать не может, и убиенного княжеского брата она и на самом деле знать не знала. Он мог перенестись к князю и иным способом. Но немного не мешает побыть и в человеческой шкуре.

Наложниц во дворце, как успел заметить Дьявол, было великое множество, многие из них были очень молоды и хороши собой, в этом князь Владимир оставался верен себе. Явиться миражом и призраком ему совсем не хотелось. Вот и Ярополка можно было между делом оживить, пусть и на короткий срок.

NoNoNoNoNo

Князь Владимир читал какую-то старинную книгу, в тот момент, когда его окликнула девушка и сообщила о таинственном посетителе. Владимир оторвал взор от книги и взглянул сначала на лицо наложницы, и потом только повернулся к тому, кто стоял рядом с ней. А через миг от них обоих он отшатнулся с таким страхом, переходящим в ужас, что девушка невольно вздрогнула и еще раз взглянула на того, кого привела с собой. Но он был молод и симпатичен, ничего пугающего и угрожающего во внешности его не было, только странная улыбка, затаившаяся в уголках его губ.

Владимир жестом приказал девушке удалиться и все еще молча и неподвижно стоял перед непрошеным гостем. Она старалась как можно быстрее уйти. Страх передался и ей, но он был так силен, что сковал все ее движения. Незнакомец все с той же едва заметной усмешкой проводил ее взглядом. А когда дверь, наконец, захлопнулась, он спокойно для начала уселся в кресло.

– Что же ты помертвел, княже, – спросил он, заметив, что Владимир все еще не шевелится.

– Ты лишил меня жизни однажды. Но могу же я хоть на короткий срок вернуться в свой дворец. Или ты надеялся на то, что я исчезну бесследно и никогда не напомню о твоём вероломстве?

– Зачем ты пришел, что тебе нужно от меня? – Владимир из последних сил старался сохранить самообладание.

– Посмотреть на тебя, поговорить, – невозмутимо отвечал Мессир.

Только теперь князь стал замечать, что этот тип вовсе не был похож на его брата, только внешнее сходства, не больше, но какая сила и мощь в нем ощущались при этом.

Под знакомой оболочкой скрывался кто-то совсем иной, это и пугало больше всего князя. Это был ироничный, уверенный, умный и очень сильный человек, хотя человек ли?

Он явно привык повелевать, и власть его безгранична, уж это князь, стремившийся к тому же самому, мог определить безошибочно. Он властвовал над миром не одно столетие. Нет, не стоило и думать о брате его, здесь что-то совсем иное, ему непонятное, и потому особенно страшное.

Но первое впечатление оказалось таким странным и страшным, что здраво рассуждать князь Владимир уже не мог.

– Я слышал, – продолжал между тем незнакомец, – что ты веру отцов наших забыть собираешься. Перун во дворе твоём давненько жертв не видел.

– Это неразумная дикость, – пробормотал Владимир, – я хочу, чтобы мы стали иными.

– Пусть так, – неожиданно согласился собеседник его, но негоже древние обычаи на иноземные менять.

Мессир понял, почему он выбрал эту оболочку, так ему легче было противостоять князю.

– Да, наши, – согласился князь, – но пришла пора признать, что это был обман и заблуждение, ещё наша бабка чувствовала это, и если бы не упрямство отца нашего, давно бы уже все изменилось.

Мессир ничего не это не отвечал. Но через оболочку проступило его истинное лицо.

Великий князь и Князь тьмы взирали друг на друга, и тот заметил, насколько этот напорист и яростен, и обаятелен, как силен отошедший от шока соперник.

– Я уверен в своей правоте, – говорил между тем Владимир, – новая вера обещает нам небеса на том свете.

– А преисподнюю ты не забыл? – поинтересовался Мессир.

– Пусть они сами выбирают, что им ближе, – буркнул князь. – А наши боги ничего не обещают нам ни на этом, ни на том свете, они глухи и слепы к бедам человеческим.

– Вот оно что, – притворился, что наконец понял Мессир, – это щедрые обещания привели тебя к чужим богам. А не взвоешь ли ты от такого щедрого дара. Рай их тебя прельстил, а вдруг в аду окажешься, и получишь вместо блаженства вечные и бесконечные муки. И останешься столько пеплом в костре их. А бесконечные терзания только на своей шкуре испытать можно.

Хохот заставил Владимира съежиться. Но он не потерял самообладания.

– Ты забыл о своих злодеяниях, – наконец напомнил ему Мессир, убийства, старик – грек, брат твой, да мало ли ещё их совершить придется, чтобы расчистить свой путь. Я уж не говорю о девицах твоих, а как же заповедь « Не возлюби жены ближнего своего? » Да и есть ли такая заповедь, которую ты не нарушил в ещё недолгой своей жизни. И ты уверен, что души убиенных и замученных позволят тебе находиться в раю твоём?

При этом он злоежился захохотал, уверенный в своей правоте.

– Но я буду креститься, – не сдавался Владимир.

– Долго тебе молиться придется, и сколько же добрых дел сделать надо, чтобы они с злыми уравнились могли? Но после этого ты согласишься быть верным и послушным рабом бога своего? Ты потеряешь свою волю и независимость. Пусть так велит писание. Но это будешь ты, для которого никакие законы не писаны, прославившийся кровожадным, строптивым и коварным...

– Если это нужно для бессмертия, то так и будет, – упирался князь.

– Теперь я убедился в том, что ты настоящий безумец. Этот рай придумали для нищих и калек, для обездоленных и несчастных, ни на что не способных, ничего тут не получивших. И ты, князь, согласен среди них обитать? Ты согласен стать рабом несчастным и далеким от этого мира?

В зале воцарилось молчание, оно казалось вечностью.

– Я согласен, – услышал он голос Владимира.

– Даже если там не будет никого из твоих приближенных? – продолжал он пытаться князя, – они вряд ли согласятся прослыть рабами и променять настоящую жизнь на убогий и скучный твой рай.

– Все равно, – не думал сдаваться князь, он показал, насколько может быть упрямым. Хотя было понятно, что этот тип, скорее всего, прав.

Мессир вспомнил об обещании, данном Святославу – он должен подарить рай его сыну, и решил, что довольно укрепил князя в вере его.

На этом он беседу свою и оборвал.

И резко поднявшись, он только сделал вид, что направляется к выходу, а через мгновение просто исчез, как обычно это и делал. На что князь, погруженный в свои раздумья, не обратил внимания.

№№№№№№№№

Князь опомнился и встрепенулся, когда перед ним появился Мефи – удивить его бес уже ничем больше не мог, да и явление его было почти привычным.

– Кто это был сейчас? – поинтересовался Мефи.

– Я был уверен, что это ты меня разыгрываешь, – удивился такому повороту князь.

– Вот еще, – обиделся бес, – что же, я сам себя не узнал.

Мефи прекрасно знал, кто скрывался под личиной покойного князя.

Мессир решил сдержать слово, данное Святославу, и Владимира ему придется оставить в покое. Жаль, больше здесь не на кого было глаз положить. Становилось все скучнее, а он как-то привык к этому месту.

Князек ускользнул, заботиться придется о другом, против мессира не попрешь. Чтобы в твоём обожанном раю ты оставался в полном одиночестве и никакой свиты, никаких любимцев там не было, все твои богатыри будут далеки и недоступны. Ты получишь свой рай, – мстительно думал Мефи, заранее упиваясь тем, что будет совершено.

– Что хотел то и получил, ради этого полжизни стоит провести в рабстве и молитвах. Но рай в одиночестве даже для него будет на ад смахивать.

Он вспомнил победную усмешку ангела, он задумался о недавней своей излишней самоуверенностью, хотя на Владимира он с самого начала не особенно рассчитывал. Но почему он стал таким боязливым да скромным. Это оставалось для него загадкой.

В людишках было что-то необъяснимое, он не брал это во внимание, потому часто ошибался и заблуждался, но и сути своих ошибок уловить никак не мог.

Жаль, что учиться приходится по ходу дела, да еще с досадными промахами мириться.

Глава 12 Собор

– Что все это может значить? – удивленно спрашивал Владимир, как только остался снова один.

Он вызвал Елену и стал ее допрашивать о том, что она видела, желая убедиться, что она видела и помнила незнакомца, ему все это не пригрезилось.

Если это душа его брата, то почему он казался живым человеком, а не упырем, призраком?

Девушка призналась, что встречала его во дворце, он держал ее за руку, хотя рука и была холодноватая, но он живой, а не мертвый.

Только теперь она стала понимать, к чему клонит князь.

Нет, он был самым обычным, никаких сомнений в душе не возникло.

Владимир чертыхнулся и отправил ее прочь, понимая, что помочь она никак не может.

Это было какое-то странное наваждение, в котором без волхва на разобраться точно.

Какая-то темная колдовская сила готова была сбить его с пути, овладеть его душой, а может и миром его и оставить его в этой власти.

Но пока он и сам не понимал, что такое с ним творится, а потому боялся и паниковал пуще прежнего.

Только об одном теперь думал князь, ему хотелось отправиться в дальнейшее путешествие в Византию. Надо было побольше узнать о новой вере, да и привести ее в свой мир.

Корабли были спешно подготовлены к плаванью, он не стал медлить и ступил на борт.

Уже на корабле понял князь простую истину, что отправились они не мир завоевывать и воевать, а с миром к Византийцам прийти должны.

Путешествие прошло без всяких бед и бурь, единственное, что сгорал от нетерпения наш князь, пока в море оставался.

Раскинулся перед ними прекрасный и вечный град.

Но только о своих страхах и печалях думал князь, а на красу его и не смотрел совсем.

Он много слышал о темном храме и печальном божестве, но теперь хотел прикоснуться к миру, в котором он зародился и до сих пор оставался.

Вот и попал он как раз на службу.

И показалось ему, что не в первый раз он тут появился, а всегда прежде тоже бывал и жил тут и верил в этого странного бога. Со всех сторон взирали на него суровые лица святых. Он вспомнил все легенды, которые прежде о них слышал, а теперь они становились живыми, настоящими.

Прислушался Владимир и к дивному пению. Никогда прежде ничего такого пережить ему не доводилось.

Очнулся он только когда услышал сильный и красивый голос священника рядом. Замысловат, то блестящ был его наряд. Да и весь мир вокруг был так разукрашен в разные узоры, что и не разглядеть и не запомнить всего, что их тут окружало.

И так захотелось князю, чтобы и в его Киеве появился такой собор. Пусть этот бог и возникнет над миром, остается тут навсегда.

Так была поставлена последняя точка в решении о вере. Но этот бог не был для него чужим. Он не сомневался, что незримый, он присутствовал в соборе, все видел и все знал из того, что творилось вокруг.

Нарисованные лики излучали какой-то дивный свет.

Когда слышались удары колокола, а люди направились к выходу, князь понял, что служба закончилась. Кто-то удивленно взирал на заморских гостей, посетивших их собор.

Князь ушел последним, и это было самым большим потрясением в его жизни.

Перун от него отступил, больше в него сын рабыни не верил, он не хотел быть дикарем, на душу ему лег этот странный бог.

Когда-нибудь, когда придет его час. Владимир встретится на небесах с тем стариком-жрецом, и обязательно скажет ему, что Русь приняла его веру, а он сам оказался последней жертвой на этом пути к свету, значит кровь его была пролита не зря, и великая миссия того стоила.

№№№№№№№№

Люди, знавшие о странном происшествии и путешествии князя, дивились его упрямству и с тревогой ждали его возвращения домой.

Они чуяли, что он не распрощается с проклятыми греками. А ведь они сами приблизили этот страшный час для Руси великой. Из-за рабского страха князя им придется принять эту веру.

Дурные предчувствия быстро оправдались. Владимир был неумолим в своем решении, а в безрассудстве он готов был тягаться с отцом. А в рабстве перед этим богом в нем проснулась покорность матушки, надеяться на то, что он отступится, не приходилось.

Он подошел к кумиру Перуна, разозлился, что там оказались случайные свидетели.

Сначала ему хотелось погасить огонь, полыхавший перед Перуном и тем самым подчеркнуть, что он не будет с этим богом, и посмотреть, как ответит на то громовержец.

Но яростные взгляды людей и жрецов заставили его отказаться от этой идеи. Они не понимали того, что он творит, они ничего не знали о новом боге, которому он отдал свою душу. Не стоило сокрушать божество, которому все они так верили.

– Но если ты хоть на что-то способен, – обратился князь к кумиру, – то не позволь себя уничтожить, оставайся с ними, а мне милее совсем другой бог.

Кумир хранил молчание, но кажется, усмехался глядя на этого человечка в дорогих одеждах.

Как плохо, что он появился на свет, как скверно, что он не помер в младенчестве, ведь скольких бед можно было избежать тогда.

№№№№№№№№

Мефи, следивший за князем и слышавший его яростный призыв к Перуну, сначала хотел устроить что-то этакое, показать спесивому рабу кто тут хозяин, но потом все-таки остановился вольно или невольно.

Ничего пусть Перун сам пальцем о палец ударит, или он так далек от этого мира, что и не дотянуться до рабов несчастных?

Перун был где-то далеко, и время его власти над этим миром, над этим князем подходило к концу, хотя он, как и Кронос когда-то у греков, не понимал, что пришли совсем иные времена, может утешиться только тем, что не свои, а чужие сыновья решили вытеснить его из этого мира.

Идол молча обреченно, так хотелось думать князю Владимиру.

Тогда на вечернем пиру он позвал мастеров и велел им строить вместе с греками новый храм. Собор этот должен быть не хуже Византийского, так потрясшего недавно его душу. Только тогда чужой бог, может быть, обратит взор на их мир, и оградит его от всех бед и несчастий.

Князь, задвинув старого бога, пытался торговаться с новым, словно он был наделен бессмертием, и время его никогда не кончится.

Собрались в Киеве тогда все лучшие мастера со всех земель, пришли они на княжеский двор, чтобы узнать и понять, что от них требуется.

Должны были появиться и монахи Византийские, чтобы готовить Русь к Крещению. И хотя они еще хорошо помнили, что случилось с их предшественниками, но чуяли, что теперь все изменится, с ними ничего такого случиться не может.

А Киевляне приходили сюда, чтобы взглянуть на то, как поднимались перед княжеским дворцом стены нового храма, и было это чудо чудное и диво дивное.

- Собор – то повыше княжеского дворца будет, – говорил кто-то, не скрывая восхищения.
- Да не может быть он выше княжеского дворца, не допустит этого Владимир, – отвечал ему другой голос.

Глава 13 Царство земное и небесное

Прием закончился.

Мефи молча выслушал речь Мессира, в которой сквозила ирония.

Он чувствовал, что схватка снова проиграна, но сдаваться все-таки не собирался. Ему хотелось верить, что он прав.

Разговор о мастерах-строителях его неприятно поразил, он сразу догадался, что они там строят. Оправдались худшие предчувствия.

– Так вот о чем говорил он, когда смеялся. Он там был, Неужели все так серьезно? Впрочем, все было и так ясно и понятно. Князь этот тупоголовый и трусливый настолько поверил в сказки о рае, что его и с места теперь не сдвинуть больше. Он чувствовал, что и в этой глуши рано или поздно утвердится вера. Это Святослав успел убедить его в том, что случится это не скоро, и вдруг. Когда он успокоился, поверил воинственному князю, все и обрушилось.

Рядом с Перуном было легче, спокойнее действовать, хотя он тоже не подарок, но все-таки. А здесь все рухнуло, распалось, развалилось в один миг.

Что же делать, когда действовать уже точно поздно?

Нет, бесу оставалось только смеяться над собой.

Он вспомнил самого князя на строительстве собора. Тот торопил людей, злился, словно боялся не успеть. Тогда он и не мог прогнать возникшего в душе беспокойства.

Но к нему уже подходил колдун. Они сразу признали друг друга. У того было какое-то особое зрение. Он видел невидимое.

– Интересно, зачем он к князю направляется? – размышлял бес.

NoNoNoNoNoNoNo

Колдун и на самом деле шел к князю.

Вернее, это Владимир велел разыскать и привести колдуна, уж больно много таинственного, невероятного стало происходить. Да и непонятно как воскресший брат с обличительными речами.

Но не только разобраться в настоящем, князю еще хотелось узнать и грядущее. А кто кроме колдуна мог помочь ему в том?

Мефи увидел, как обрадовался князь явлению чародея.

Вместе с ним тот отправился во дворец. Он сгорал от нетерпения, хотя и стремился никак не выдать себя.

Конечно, лучше пообщаться с белым (старик был черным магом) Но это не волновало Владимира, главное, чтобы он знал свое дело, верил в свой дар, мог видеть грядущее, а какой он там на самом деле – это не так и важно.

Колдун расположился в боковой, полутемной комнате, начертил круг на полу и начал шептать какие-то заклятия. Князь взирал на него с нескрываемым любопытством, хотя ничего не понимал из того, что тут творилось.

Наконец колдун повернулся к нему, видел, как князь ждал его слов, словно вернулся в реальность.

– Слушай, княже, – он медлил, словно боялся признаться в чем-то, – боги благосклонны к тебе, будет у тебя молода жена, до самой смерти ты с ней будешь, а век тебе долгий выпадет, только покоя тебе не обрести ни на то, ни на этом свете

– Ты не лжешь мне, старик? Прошептал растерянно князь.

Он услышал то, что хотелось слышать, но боялся, что мог что-то напутать в словах чародея. Волнение было сильное.

– А зачем мне лгать тебе? Мне ничего ненадобно и гнева твоего я не боюсь, – отвечал старик, – я волен в отличие от слуг твоих говорить тебе правду, и вообще я волен, прощай.

Казалось, что он уходит сам, ничто не удержит его теперь.

Старика трудно было запугать и нельзя купить, ну что же, в этом что-то есть.

Дым и страшный запах заклания все еще витал в воздухе, напоминая о недавнем присутствии колдуна. Видно так тому и быть, старик говорил о невесте и свадьбе, ну что же, свадьба, так свадьба, почему он должен противиться этому?

Вызывая к себе дружинников, велел князь убирать идолов с земли русской, объявил о скором крещении народа своего.

Переглянулись слуги верные, сам он и не догадывался, какую волну ропота и протестов вызовет его решение. Но он кожей чувствовал, что отступать некуда. И слуги не сомневались, что князь будет стоять на своем до конца.

Владимир помнил, что к гибели привели Святослава отступление от новой веры. Значит, он должен исправить те ошибки и идти своим путем.

Мефи чувствовал, что борьба за душу князя закончилась для него провалом.

Глава 14 Встреча с невестой

И посватался Владимир к польской царевне Апраксии, вот и отправил своих богатырей сватами к королю ляхов.

Царевна приехала в Киев вместе с богатырями, как раз в тот день, когда мастера заканчивали собор.

Ехала она, рыдая на варварские земли, а приехала пусть и не к своему, но все-таки христианскому богу.

Очень удивилась тогда царевна. И еще одно чудо в те дни случилось, какая-то болезнь на князя напала, стал он слепнуть не по дням, а по часам.

– Что это- за что мне такое? — никак не мог успокоиться князь, откуда эта болезнь проклятая?.

Все лекари да знахари во дворце его собрались, а никто ничего сделать не мог. Только руками они разводили, да в сторону уходили

– Волхва найдите, – простонал князь, понимая, что без него не обойтись.

Долго искали волхва, наконец, нашелся и он, к радости князя.

А тот и подумать не мог, что так скоро князю он понадобится. Владимир боялся, что тот, как и остальные, только руками разведет и ничего не сможет сделать.

– Старик, ты мне свадьбу обещал, – напомнил князь, а какая свадьба, если вон что тут творится со мной, какой же я жених теперь.

– Не печалься сильно, – отвечал старик, собор твой уже построен, а как окрестишься, так и прозреешь быстро. Вели к крещению готовиться.

Князю ничего не оставалось, как только поверить черному монаху, это он вместо волхва пожаловал, а тот по слепоте своей подмены и не заметил.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Поверил Владимир колдуну. А что еще ему оставалось делать тогда?

Повелел он жрецам скорее приготовить его к обряду.

Люди с тревогой ждали того, что могло случиться там.

Они говорили, что если князь покрестится, то тоже станет иноверцем. Но после слов колдуна изменить они больше ничего не могли.

Многие с интересом гадали, поможет ли чужой бог хвори княжеской пропасть или так она и останется при нем и после того самого крещения.

Но даже если чудо и случится, стоит ли предавать ради такого исцеления веру своих предков?

Самые отчаянные ночью пробрались на княжеский двор к Перуну, его все еще не убрали со двора. Принесли они убитую птицу в жертву своему богу, просили, чтобы не позволил он вере чужой верх над ними взять, а еще чтобы спас он князя от того крещения, тогда их князь останется старовером – так себя они уже начали тогда именовать, а чужой бог пусть уходит туда, откуда и появился.

Но кумир был глух к их мольбам да просьбам, казалось, что ему самому интересно было взглянуть на то, что у них там получиться может.

Мефи прекрасно слышал их мольбы, он еще слонялся около княжеского дворца в те дни.

Наверное, он смог бы что-то для них сделать, но не сомневался, что все усилия его окажутся бесплодными, вот и не стоило начинать.

Да и не хотелось ему помогать старым богам, которые сами ничего делать не собирались.

NoNoNoNoNoNo

С благоговением вошла Апраксия в уже готовый к завтрашнему обряду собор, а когда оглянулась – еще больше удивилась и восторгнулась.

Собор был великолепен. Он ничем не был похож на полутемные храмы, к которым она привыкла.

Там именно хотелось преклонить колени и просить о чем-то, а здесь сердце переполнялось каким-то странным восторгом. Можно было подняться к куполу и улететь в небеса.

Вместо страха появилась легкость и радость.

Она вспомнила о горьких слезах и дурных предчувствиях, когда собиралась в дорогу.

Настоятель встретил ее ласково и приветливо и с радостью благословил

Глава 15 Крещение

Надолго запомнили русичи то утро. Они просыпались впервые от звона колокольного, которого прежде никогда не слышали. Он возвестил о приходе совсем иного времени на русской земле. Станный звон проносился над землями, то пугал он, то радовал, так сразу и не разобрать.

Людские реки вольно или невольно потекли к новому собору, чтобы своими глазами увидеть, что там нынче свершилось.

Направился туда и князь Владимир вместе со своей свитой, чтобы креститься. Шли они медленно и торжественно. Тысячи глаз смотрели за этим ходом.

Потом рассказывали, будто накануне ночью двое парней пытались сжечь новый собор, но так уж получилось, что сами себя они чуть не спалили. Если бы пруда поблизости не оказалось, то сгорели бы и вовсе, а так спаслись в последний момент все-таки.

Мефи знал, что рассказы эти были выдумкой, видел он горемычных тех парней и от души над ними посмеялся.

Он успел заменить и другое, как огонь с лучин на одежду их перекинулся внезапно.

Тогда она и вспыхнула ясным пламенем вдруг. А перепуганный насмерть злодеи, кажется, и вовсе рассудок потеряли, замерли, если бы он к воде их не толкнул, точно бы они сгорели, таким происшествием и вовсе зачарованные.

Потом показывали они ожоги на своем теле, словно кару небесную за крамольные помыслы.

Что не говори, а измелывал народишка по сравнению с древними злодеями. Мефи знал, что не обошлось без вмешательства бога или одного из архангелов его, не пожелавших допустить очередного сожжения храма. Огненный меч порастил несчастных, пронзив души адской болью.

– Чего это ты уродуешь тех, кого хранить должен? – спросил у карателя Мефи, пусть они души заблудшие, сами не знают, что творят, так что их теперь сразу надо убивать, а где же ваше милосердие, а еще про бесов говорите.

– Они не мои вовсе, – протестовал тот, – а за злой умысел должны быть наказаны жестоко, чтобы другим неповадно было. Можно ли допустить, чтобы по их милости храм сгорел?

– По-другому надо было наказывать, – не отступал он, – ведь сам повторяешь, что твари они неразумные.

– Некогда мне разбираться, надо было зло остановить, вот этим я и занялся, и отстань от меня со своими учениями. Бела остановлена, зло наказано, чего тебе еще от меня надо?.

Ему надоел настырный и болтливый собеседник, праздно ходивший по миру, словно дел у него никаких больше не было. Он, правда, помешал до конца осуществить задуманное, но тут ангел сильно противиться не стал, пусть так и будет, меньше жертв, ему же лучше.

NoNoNoNoNoNoNo

Вот о том столкновении и вспоминал бес, когда священник вышел к нему навстречу, а рядом с ним оказался князь, и шел он конечно, к Владимиру, тут не стоило сильно заблуждаться.

Князь думал только о своей внезапной хвори, на него вдруг свалившейся. Дорога к храму его сильно притомила.

И взирает на него бог торжественно и спокойно. Художники потрудились над его ликом на славу.

Вглядываясь в его лик, вслушиваясь в слова священника во время обряда, исполняя все, что было велено, заметил Владимир скоро, что болезнь не сразу, но отступила. Он забыл о ней, словно никогда ее и не было вообще. От светлой радости захотелось закричать во весь голос.

Но он чувствовал, что не должен этого делать, чудо – это высший дар, не стоит о нем громко вопить.

Рядом с ним шла просветленная и прекрасная его невеста.

Из собора, к своему народу князь выходил счастливым. Люди, его ожидавшие, кто с восторгом, а кто и с ужасом, заметили исцеление и передали ему эту весть. Их кумир бездействовал, а чужой бог, великий и могучий, во всем ему помогал. Они сами в том могли убедиться.

Видел все это и бес, он только раздраженно взглянул на ангела.

– Твоя работа? – тихо спросил он.

Тот молчал. Так оно и должно было быть. Раздражало лишь то, что в последнее время ему часто напоминали о том, что в этом противостоянии он проиграл.

Глава 16 Истребление кумиров

Два дня пировал князь Владимир с ближними своими боярами после крещения и выздоровления. Давно не видели приближенные его таким спокойным и счастливым. Великолепен был княжеский пир.

На этом пиру и было объявлено о венчании князя, и должно было оно случиться все в том же прекрасном соборе.

Но князь заметил, что даже в окружении его не все разделяли радости и восторга от происходящего. Все ждали какой-то беды, и понимали, что не пройдет это гладко, что-то должно с ними случиться скверное. Истребление веры отцов и дедов не может пройти бесследно, не потому ли тревога витала в воздухе страшная.

Владимир в этой суматохе и тревоге еще подлил масла в огонь, когда велел убрать всех идолов языческих, всех кумиров, которым больше не было места в самых видных частях града, рядом с новым собором.

Они должны были быстро и бесследно исчезнуть.

Выслушав княжеский приказ, воевода невольно помедлил. И тогда в ярость неописуемую пришел князь

– А что с твоим Перуном делать, княже? – спросил он.

Владимир успел позабыть о нем, и был уверен, что его убрали раньше еще.

– В Днепр, пусть на дне реки останется, – заявил князь, взглянул на небеса, чтобы убедиться, что к нему не летит молния Перунова.

Вот так беспощаден и решителен он оказался, прямо диву давались все, кто видели и слышали то, что творилось в княжеских палатах.

Владимир вспомнил невольно тот день, когда устанавливали Перуна, как ликовали и радовались люди перед новым истуканом божества, они верили, что теперь никакой враг, никакая беда им не страшна, и ведь в его бытность все это было тогда.

А вот перед храмом они напряженно молчали и ничего сделать не могли.

И понял князь, что кумир, видевший так много жертвоприношений, сегодня сам становился такой же жертвой, ради другого, тоже принесенного в жертву, с ним расправлялись безжалостно.

Вспомнил он и старика – христианина, погибшего за веру, которую принял сегодня князь, и сына его вспомнил.

Но тогда он заблуждался, ничего не смыслил, теперь ему все было ясно, и не будет больше никаких отступлений и заблуждений.

Правда, многие были уверены, что заблуждается он теперь, а тогда был прав.

NoNoNoNoNoNo

Вскоре князю доложили о том, что все кумиры сожжены, некоторые разбиты и потоплены.

Сказали, что люди видевшие, что творили воины, не сильно этому противились, ощущая бессилие перед судьбой, но и принять этого не могли.

Но князь не был уверен, что ему говорят обо всем, что там происходило. Хотя некоторые, узнав о чудесном исцелении князя, надеялись на божью милость, боялись накликать беду на себя и близких.

Но были два события, которые не могли укрыть от князя. Теперь, когда исчезли малые кумиры, все взоры были устремлены на Перуна. Они ждали, что он подаст какой-то знак на прощание, что-то должно было произойти большое и страшное, по их разумению.

Замерла толпа в тот момент, когда богатыри княжеские вырвали и кумира с привычного места и привязали к лошадиной упряжке.

Ничего не произошло, только загрохотал Перун страшно. Когда лошади рванулись с места, почуяв тяжкий груз, а люди в панике бросились в разные стороны, и лишь самые храбрые да отважные смогли взглянуть на то, что там творилось.

Но голубое бескрайнее небо оставалось спокойным. Статуя уже появилась на Днепровском берегу, стражники попытались забросить ее как можно дальше с высокого откоса, чтобы разделаться с ней навсегда.

Что-то скрипнуло, кому-то показалось, что дрогнула статуя, и с грохотом полетела вниз, в воду.

Заметили они людей на другом берегу, напряженно наблюдавших за происходящим.

Кажется, и они вздрогнули вместе с кумиром.

Дружинники первыми увидели, что, несмотря на всю тяжесть, идол не утонул, а так и оставался на поверхности.

Люди на том берегу стояли около часа, неотрывно наблюдали за рекой. Но Перун по-прежнему держался на поверхности, слегка покачиваясь от течения. Это казалось чудом, странным знаком небес.

Кто-то рыдал и просил у бога пощады, кто-то побрел от берега, ожидая кары и несчастий.

Князю доложили о случившемся сразу. Он отправился на тот берег Днепра, где все и происходило, ему хотелось взглянуть на случившееся.

Он издали увидел статую над водой. Но особенно волноваться и печалиться не стал, ощущая в себе новые силы и власть. Ему казалось, что он защищен новым богом, ведь тот ему вернул зрение. Но как это передать его людям, которые вовсе не были так спокойны?

NoNoNoNoNoNoNoNoNoNo

На утреннем приеме Мессир поинтересовался у Мефи:

– Что там за суматоха, у нашего новоиспеченного Святого? Уж не твои ли это шуточки.

Все, кто там были, сразу посмотрели на беса.

– Нет, не мои, – отозвался тот, – все случилось само собой, болван упал на отмель и затормозился, они уверены, что чудо совершилось.

Во взгляде дьявола скользило недоверие. Но он промолчал, думая о чем-то своем.

– Ничего не трогай, – потребовал он, – не сталкивай кумира, пусть он будет живым укором князю за предательство и отступничество.

Но даже Мефи не знал, что же задумал Мессир, что он собирается делать потом. Ясно было, что так просто он этого не оставит.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Владимир подождал несколько дней, пока все не успокоилось. Без кумира в городе было непривычно пусто.

Может, стоило его оставить, не нужно было так с ним расправляться?

Но он скоро забыл обо всех этих волнениях и тревогах.

Ему выпала такая судьба, у него не было выбора, он поступил так, как должно, только почему-то в это не мог поверить даже сам князь.

Глава 17 Давний спор

Ангел появился в покоях Князя Тьмы. Это было неожиданностью, и дерзостью одновременно. Он усмехнулся, чтобы скрыть смущение.

– Чем обязан такому явлению? – поинтересовался он.

– Перун в реке – это твоя работа? – прямо спросил тот.

Мессир промолчал в знак согласия. Он не собирался ничего скрывать — велика честь для того.

– Зачем ты навязываешь им старых богов? Ты же сам Перуна в грош не ставишь и готов был от него избавиться при любом удобном случае.

– Я изменил свое мнение, – отвечал Князь

– Побойся бога и убери его из Днепра, спрячь в болоте где-нибудь в лесу. Мессир расхохотался:

– Если бы я боялся твоего бога, то не обитал бы тут.

– Ты сам себя богом вообразил, вот и получил все, что имеешь теперь.

Ангел чувствовал тщетность своих усилий, понял, что летел он сюда напрасно, ничего не переменится.

Но Мессир, убедившись в своей силе, произнес, спокойно и невозмутимо:

– Я сделаю все, но не сейчас, а позднее, пока он пусть на поверхности поторчит, чтобы тебя позлить немного.

Князь показал, что разговор окончен.

Мефи, слышавший этот разговор, усмехнулся:

– Хорошо, что Святоша сам туда не сунулся, иначе бы он разгадал весь фокус и давно бы толкнул идола в воду. Но он уверен, что все это колдовство и дело наших рук, потому и примчался сюда выяснять, что же происходит.

NoNoNoNoNoNo

Посланник, пролетая мимо этого таинственного места, размышлял о том, какую игру затеял Князь с людьми, то ли припугнуть их хочет, то ли решил погубить какую-то душу, или снова небесам кидает вызов.

– И что там с этим Перуном? – спросил его архангел

– Не знаю, зачем Люциферу это нужно, темнит он что-то, как всегда темнит, ничего я толком не узнал, – признался он.

В голосе его слышалась досада.

– Хотя прежде никогда его не волновали такие мелочи, но видно что-то там переменялось. Он обещал убрать кумир, когда сам этого захочет. Может просто беса покрывает. Придется гадать и ждать.

Глава 18 Великое крещение

Князь сам выбрал то место на побережье Днепра, где проклятый кумир не будет виден. День выдался солнечный и ясный, кажется, что и природа торжествовала, приветствовала грядущие события.

Владимир выехал туда на белом коне, долго смотрел, как направляются русичи туда, к главному месту их преобразования.

Священники и жрецы руководили походом к новой вере. А подопечные его покорно входили в воду, понимая, что противиться бесполезно, князь зорко за всеми смотрел. Трудно было отсюда понять есть ли те, кто этому противился, или их все-таки не оставалось там.

Но наверняка находились те, кого и тащить бесполезно, только пока они скорее попрятались где-то. Но его веры ничто не могло поколебать. Далекие потомки оценят то, что творилось тут теперь, и будут ему за все благодарны.

Но стоявшие в воде ощущали настоящий кошмар, они чувствовали себя ничтожными предателями, кажется, с небес на них взирали бесчисленные тени и осуждающе молчали, да и как они могли понять и принять то, что тут творилось?

Многие оглядывались, им мерещился Перун, плывший к ним по воде и готовый раздавить их всех, а они понимали, что если он появится, то им уже не спастись никогда от этой глыбы. Им хотелось вырваться и броситься назад, но останавливала их только княжеская ярость, и он был ближе и боялись они его больше, чем своего бога.

А те, кто креститься не собирался, покинули свои дома и ушли в дремучие леса, потому и не мог видеть князь Владимир яростного сопротивления. Они укрылись вместе со спасенными на болотах накануне идолами.

Кажется, силы природы помогали им, и духи лесные не остались в стороне, потому что они находили пути в топи и ни один из них не погиб и не сгинул. Они стали первыми бунтарями, которых было много всегда, но тогда, в том жутком 988 году они были первыми. Их окрестили язычниками те, которые покорились, но ничто не остановило и не удержало бы простутующих.

Так мир разделился на две части, раскололся уже навсегда.

Кто-то из них вернулся в родные дома после позорного обряда, ведь не могли же знать, был он там или не был, но они оставались чужими и отрешенными, и неизменно уходили в лес к своим кумирам.

Известие о том, что случилось в тот день дошло до князя Владимира, он узнал об отрехшихся, и о кумирах их, спрятанных на болотах.

Но охота туда наведаться прошла, как только потонула сотня воинов и воевод, направившихся по его приказу туда, они проваливались в бездну, едва ступив в те болота, на глазах у тех, кто двигался следом за ними. А кумиры на той стороне взирали на них безучастно, и, кажется, даже веселились от души. Но как разглядеть было то, что там творилось на самом деле.

Дальние замерли в замешательстве, даже по приказу воевод они туда не отправились, желая помереть на твердой земле от руки князя, а не сгинуть в черном болоте.

Во всем винили волхвов, которые заколдовали навсегда эти места, чтобы спасти то, что им было дорого. Говорили, что кто-то из тонувших добрался до идола, успел за него схватиться, но был оторгнут безжалостно и тоже потонул, только пожил чуть подольше.

Лица были искажены диким страхом, они не кричали, а молча все принимали, словно так и должно было быть.

Люди крещенные уходили от болот, понимая, убедившись, что новый их бог ни в чем не станет им помогать – напрасный труд просить его о чем-то.

Боги же старые охраняли только тех, кто их не предал и не оставил.

А для остальных старый мир был только оплотом отречения, гибели и ярости.

№№№№№№№№№№

Ни одна из побед в битвах не приносила Владимиру такой радости, как эта. Он знал, что и этот день, и это событие будет связано с ним всегда. Забудут все победы и поражение, но то, как он крестил свою Русь, они не забудут никогда, они не могут забыть.

Но он надеялся, что они не узнают о бунтарях, об укрытых от глаз кумирах, о Перуне, оставшимся в центре Днепра, такое лучше вовсе не помнить, спокойнее будет жить на свете.

Солнце до самого вечера сияло на небесах, князь на высокой горе на белом коне озирает мир, он сам казался таким же солнцем, который принес благость на Русь.

Он сам потребовал, чтобы все это записал летописец, не жалея ни чернил, ни пергамента для такого события. И обязательно написал, как ликовали люди, впервые крещенные, и обратившие взоры к кресту.

Но так как читать князь не умел, то только попялился на свиток и решил, что не осмелился монах ему солгать, так там все и будет.

Глава 19 Другая сторона медали

Так все и было, – спокойно говорил Мессир, – заглянув в сгоревшую славянскую летопись того года. Он всегда любил сгоревшие и ими воскрешенные книги.

– Так оно и было, – обратился он к свите на следующее после крещения утро. Потом он обратился к Водяному. И все поняли, зачем появился тут такой редкий гость

– Зачем ты их чурки вчера потопил, вроде мирным таким казался, – обратился к нему властелин.

– Лешему в кости проиграл, – признался тот, зная, что тайное становится явным все равно, – да и надоели они мне, шатаются туда – сюда, костры разводят, всех духов перебаламутили, спасу от них нет никакого. Да и лес спалят, озеро пересушат, я бы просто так помогать ему знамо, не стал, но раз проиграл, то надо платить, долг платежом красен. А люди эти пришли в разгар работы моей, вот хохма-то была. Один отважился даже за кумиром своим прыгнуть, туда ему и дорога, но другие умнее оказались, убрались по добру по здорову.

Кажется, он закончил говорить и замолчал, но потом решил прибавить еще кое-что.

– А идущие смиРНёхонько в воду мне полюбились больше. Сколько их вчера набрело во владения мои, сроду столько не было. Ни ничего, ни один не потоп, все целы.

Показалось остальным, что Водяной себе приписывает эти заслуги.

– Понравилось, – передразнил его Мессир, дивясь глупости и наивности Водяного, мог бы так не выражать своей радости, сколько новых слуг божьих появилось, как не залюбоваться. Водяной понял, что сказал он какую-то глупость, и молчал сконфуженный.

– Но и те, коих ты защищаешь не многим лучше, – вступил в разговор Мефи, – не бросились они спасать своих кумиров, не разбежались, за свои шкуры испугались. Так что все они одинаковы, еще не ясно, кто из них лучше, кто хуже будет, те ли что шли покорно, да в душе зло таили, или те, кто прятались да бесчинства творили. Мессир промолчал, слушая его и решив не реагировать на дерзость.

– Во все века находились людишки, которые шли наперекор остальным. Только всегда ли они оказывались теми, за кого себя выдавали?

Он вошел в азарт, и, распалившись, не мог остановиться, лишь чувствовал недовольство мессира.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Мефи прикрывал Водяного. С Властелином у того отношения были не очень хорошими из-за простодушия и наивности Кеши. Но парень он был хороший, не зловредный, с ним всегда можно было поладить при желании. Вот и русалок ему удавалось заполучить таких, которые ни с кем другим не смогли бы ужиться, а Кеша с ними ладил.

Но зная, что без него Властелин, как без рук, Мефи ничем не рисковал, и был уверен, что находится в безопасности, и может умудриться убить двух зайцев разом.

Но Водяного Властелин сильно не тревожил, потому что не терпел воды, никогда во владениях его не появлялся. Только нынче он решил туда заглянуть, да убедиться в том, что там нет никаких бед и невзгод. Да и с Царем Морским если что встретиться, напомнить ему, что за всех трудиться приходится не покладая рук.

Но Водяной все-таки был недоволен тем, что творилось, и продолжал кипятиться. Жил, мол, никого не трогал, откуда такая напасть взялась, сам понять никак не мог. Надо признать, что бесу все-таки проще, чем ему было выхолить сухим из воды, у него это не очень получалось.

Властелин теперь никогда не забудет, что кумиры оказались в его царстве, и русалки разместили их в своих владениях. И они там быстро и легко прижились.

NoNoNoNoNoNoNo

Князь отдыхал в своих покоях после долгого и трудного дня. Он на миг остановился перед образом нового бога, надеясь получить ответ, правильно ли он поступил и что ему делать дальше.

Ему казалось, что в суровом лике Христа разглядел он одобрение всему, что было сотворено. И спокойствие появилось в душе князя. Он знал, что не часто будет испытывать такое блаженство, только при великих свершениях рождается такое чувство.

– История рассудит его, – говорил монах в келье, беседовавший со священником, только что завершившим обряд крещения. И теперь ему хотелось поговорить об этом с другими.

– Да, но пока только нам ведомо, что князь был прав. И тот, в небесах должен радоваться тому, что творится. Впрочем, иногда мне кажется, что ему давно уже нет дела до всех нас.

Монах покосился на небеса, не ударит ли гром после таких слов.

Но ничего там было тихо, ни Перун, ни новый бог не подали им никакого знака.

Глава 20 Сооружение храма

Когда Рогнеда появилась перед княжеским дворцом (она пришла туда, не в силах больше томиться в изгнании), сразу же почувствовала княгиня, что она пришла совсем в другой город. А смутили ее белоснежные стены нового храма, золоченые его купола, кажется, что рядом с ними и княжеский дворец стал значительно меньше.

Темная и маленькая (она никогда не была маленькой), она остановилась около этой высокой стены перед входом, и стала искать глазами своего Перуна. Но кумира нигде не было видно. Хотя он не внял мольбам о спасении ее мужа и их мира, но он оставался родным, близким, единственным богом для нее, никакого другого ей вовсе не было нужно.

К ней подошел парень и видимо узнал ее, хотя ее не было в городе так долго, что могли и позабыть, как она выглядела. А он, наверное, тогда был еще мальцом.

– Перуна ищешь? – спросил он, – не здесь его надо искать теперь, выйди к Днепровскому берегу, там и найдешь нашего бога. А тут царит по княжеской воле другой бог, наш стал игрушкой, а я хочу узреть, как и этот полетит туда же, чтобы духу его не осталось.

Рогнеда слушала его молча.

Парень ничего больше не сказал и пошел прочь.

– Новый бог, другая вера, пусть он летит в Пекло вместе со своим богом новым, если ничего не понимает, и только страх руководит им теперь. Убийца лютый о душе своей вспоминал и новые безумства творит. Сын рабыни навсегда рабом останется.

Подняла Рогнеда голову вверх, словно бы хотела там кого-то отыскать и о помощи попросить.

– Разве должно так быть, почему все князья небесные не поднимутся против него, чего они ждут, как взирать могут на это?

Молчали небеса. Наверное, нечего было сказать тем, кто там оставались.

Прежде, чем отправиться к Днепровскому берегу, чтобы взглянуть на Перуна, решила она в чужой собор зайти и посмотреть, что и как там устроено было. Каков этот бог и в чем его сила.

Людей в соборе в ранний этот час было немного. Какой-то молодой и красивый жрец говорил негромко о чем-то своем. Но из этой речи она не поняла ни слова.

На нее стали оглядываться те, кто тут случайно оказались. Она отвернулась и стала разглядывать росписи стен, какие-то странные и страшные портреты чужих людей, кто они и что тут делали? Почему так сурово на нее смотрели, словно раздавить и умертвить пытались?

В чем она перед ними провинилась, да и почему они вообще здесь?

Едва удалось княгине сбросить эти жуткие чары чужаков. Говорят, они тоже много страдали. Смятение чувств раздирало ее душу и клонило к земле, она встрепенулась и расправила плечи, резко повернулась и пошла прочь.

– Не случайно князю захотелось оказаться среди них, надеется, что они спасут, глупец. Никого они не спасут, а только уничтожат его и всех, кого он крестил.

NoNoNoNoNoNo

Первое, на что обратила внимание Рогнеда – как изменилась погода за то время, пока она оставалась в храм. То ярко светило солнце, а теперь уже черные тучи нависли над головой. Она немного помедлила, пыталась понять, что такого могло за это время произойти, пока она оставалась в храме. А тут и ударил гром, вспыхнула молния, она скользнула по лицу княгини. И последнее, что она услышала – пронзительный крик рядом, за спиной. Свет в глазах ее тут же померк, она рухнула на землю около соборной площади, уже ничего не понимала и не чувствовала.

Около часа лежало на площади перед храмом ее мертвое тело. Люди замирали от страха, и стремились пройти мимо, боялись к ней приблизиться. Казалось, что она зашевелится и поднимется на ноги. Но она была мертва, уже давно мертва, и никакого воскрешения не могло случиться.

Тогда из храма вышел священник, как только узнал о том, что случилось. Это был страшный знак для него и для его бога. Но надо было скорее убрать тело княгини и постараться забыть о том, что произошло. Князь Владимир появился на площади сразу же после священника, словно дожидался, пока тот тут возникнет и сможет тогда он укрыться за широкой спиной в рясе. Он смотрел издали на постаревшее, и такое угрюмое лицо той, которую так любил когда-то, сначала его не узнал, а может ему просто не хотелось, чтобы это была она?

– Эта женщина хотела убить меня когда-то, а потом я чуть не убил ее, и только вторжение Изяслава меня остановило. Она пришла к моему храму, чтобы найти тут свою смерть, странная случайность, да и случайность ли это. Все забылось, а последняя встреча, самая кошмарная из всех, но я так и не понял, что она хотела тогда, зачем пришла сюда? Может быть, я ее все-таки убил и забыл о том, что там случилось? Но не был ли ее бог дьяволом, и так решил мне отомстить за старые грехи, за то, что смог его свергнуть?

– Несчастная, – в сердце его появилась боль и грусть.

– Зачем она пришла сюда? Я сделал все, что мог, но чего она еще от меня хотела? Смогла только остаться живым укором моим грехам. Но я не убивал ее, не убивал.

Он оглянулся на людей, стоявших вокруг.

– Они знают, что я не убивал ее. Хотя и мысли могут убить, так выходит я ее убил? Гореслава, так они ее называли в последнее время, страшная жизнь и страшная смерть – вот что ей оставалось. Она стала мертвым укором всем нам, такой и останется. И окажется она в аду, потому что не крещена. И муки на земле сменяются муками в вечности. Она подчинилась моей воле и спокойно сносила страдания, где ей было думать о душе, когда? Даже теперь, когда она пыталась бунтовать, все так ужасно закончилось.

Глава 21 Старое в новом

Владимир отыскал глазами священника и спросил его, можно ли покойную окрестить и похоронить по-христиански? Священник воспринял это как приказание и согласился, хотя и не понял княжеского каприза. Еще судили и рядили о смерти на соборной площади, но беда в одиночку не ходит. На следующее утро произошло не менее страшное событие. От сильного ливня, последующего за грозой, а может и не из-за этого вовсе, но когда они пришли на берег Днепра, то увидели, что Перун скрылся из глаз.

Уж не он ли забрал с собой бедную его любимую жену? Хотя она казалась такой ненужной и лишней в княжестве, но громом и молнией было отмечено и ее и Перуна исчезновение. Но князь все-таки решил с ним потягаться силами и отнял у него тело бывшей своей жены, похоронив его по новому обычаю, которого она не знала и не принимала до самого конца, хотя его это мало волновало.

Кажется, все русичи на закате вышли на берег Днепра, чтобы убедиться в том, что их бога больше там нет и обсудить странное это событие. Они убедились, что его там нет. На том месте плескалась вода, и сколько не смотрели они вдоль берега, надеясь обнаружить кумира. Казалось, что он может быть на другом месте, отнесенный течением. Но он словно под землю или под воду провалился.

Многие чувствовали, что два события произошли одновременно, и они связаны друг с другом. Хотя многое осталось непонятным и необъяснимым.

Но то, что остается загадкой для смертных, находит объяснение в других пространствах и временах. На этот раз за то, что случилось, должен был отвечать не Водяной, а сам Мефи, бросившийся его защищать в прошлый раз. Ну и деньки. Ну и помощничек, никак не мог успокоиться и все влезал куда-то, – ворчал тот, хотя и совершенно беззлобно.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовался он, что это за магия на площади?

Мефи молчал, потупившись, ковыряя копытом ковер из травы.

– Я проиграл пари этому плешивому, – с тяжелым вздохом говорил он, словно сожалея о случившемся, – не мог же я уйти молча, надо было как-то отметить свой уход.

– Это все, что ты хотел сказать? – удивленно спросил Мессир.

– Не все, – огрызнулся тот, – недовольный тем, что его торопят и перебивают, – должен же я был князю про его прошлое напомнить, а то он уже в святоши заделался. Сидел на берегу, думал, как бы это сделать, а тут эта горемычная и подвернулась, вот все и получилось так, как получилось.

– Хорошо, – согласился князь, – понимая, что оправдываться Мефи большой Мастер, – а Перуна зачем трогал. Я тебя о том просил?

– Не просил, – согласился бес, – но я и ангелу пари проиграл, поставил на эту деревяшку и проиграл, что же мне оставалось делать?

– Игрок ты никудышный, – усмехнулся тот, – ты бы лучше на себя поставил. Или сам вместо той деревяшки пошел бы.

– Ты же знаешь, что я не тону, – отвечал бес.

– Вот то-то и оно, такой никудышный, что и потонуть не можешь, да и развернулся бы ты там так, что дружок твой тебя бы назад и отправил, я один на всем свете только и терплю тебя.

В его голосе звучала насмешка и усталость.

Мефи вел себя более чем нагло, хотя понимал, кто перед ним сидит. Что же поделать, если он давно потерял страх, а вот уверенности и наглости оставалось даже больше, чем требовалось.

Мессир, наконец, махнул всем, чтобы они уходили.

NoNoNoNoNoNoNo

И чуяли русичи, что ничего не остается у них от старой веры, она исчезает бесследно навсегда. Лишь самые отважные, фанатичные и непримиримые еще упорнее стояли на своем, делая вид, что в мире ничего не происходит, все остается неизменным. Но их становилось со временем все меньше, да и старались они подальше укрыться от мира. Хотя души часто охватывал страх перед всевидящим оком бога, бесконечными адскими муками, обещанными им впереди.

Глава 22 Непротивление злу

На похоронах Рогнеды Владимиру казалось, что он ставит последнюю точку в своем прошлом. На девятый день ночью, когда Апраксии не было в комнате, он проснулся в страшном одиночестве и увидел тень рядом, как раз напротив своей кровати.

– Что тебе надобно? – не выдержал князь

– Зачем ты похоронил меня по новой вере?

– О душе твоей думал, о том мире, где ты сейчас.

– Но это неправда, – вздрогнула тень, – как и всегда ты думал только о себе. Я пришла сказать, что ухожу от двери ада и чистилища. Я должна быть тебе благодарна, но чувствую только злобу. И если там (она указала на небо) нам предстоит с тобой свидеться, я все равно не стану тебя благодарить, не дождешься ты этого от меня.

Она отшатнулась и отвернулась от князя.

– А я и не жду благодарности, – невольно вырвалось у него, – мне надо быть в мире со своей душой, и только.

– А что ты моему сыну скажешь? – спросила она с вызовом

– Скажу, как было, все видели, что я не убивал тебя, не от моей руки ты померла.

– Да, повезло тебе, все видели, только давным-давно ты убил меня, сначала своей рабыней сделал, а потом чужого бога мне навязал насильно. Только помни, что не нужен мне твой рай, зря ты старался. Мне привычнее и роднее в аду оставаться, и рабой твоего бога я не стану. Ведь не спросил ты согласия моего. Снова поступил так, как самому тебе хотелось. Да, безгранична власть твоя, но есть предел всему.

И она рассмеялась так, что вздрогнул князь. Каким странным и пронзительным был ее смех.

NoNoNoNoNoNo

Рогнеда вспомнила о сыне не случайно. На следующее утро появился Изяслав в княжеском дворце, узнав о страшной смерти матери. Он не сразу пришел к князю, сначала расспросил посторонних о том, что произошло там, на площади. И ему, готовому убить князя, угроза витала над душой еще с детства, она должна была осуществиться, понял, что не виноват он и не ведал даже о том, что она появилась тут. Да и зачем это было ему нужно?

Владимир сначала не узнал племянника, а потом решил сохранить спокойствие. Перед ним стоял не мальчик, а муж, за короткий срок он изменился до неузнаваемости.

– По-твоему все вышло, – выдохнул княжич.

– О чем ты? Не желал я ее смерти, и тебе это ведомо. Я нашел ее уже мертвой на площади.

– Знаю, религия твоя не позволила бы тебе это зло совершить, ты все прощаешь нам, как твой бог своих палачей прощал. Но ты забыл, что он сам недавно палачом стал. Хорошая у тебя вера, каких бы злодеяний не совершил, покаешься, и простится тебе все. Может бог тебя и простит, да я смерти отца моего не прощу, того, что ты с матерью моей сотворил, тоже простить не могу.

– Опомнись, Изяслав, зачем новые жертвы, не калечь жизнь свою. Прошлого не вернуть и не изменить.

Владимир пока сохранял спокойствие.

– Не повторяй моих ошибок, чтобы не пришел к тебе такой же юнец мстить. Прошлого не вернуть и не изменить – повторил он еще раз, словно старался себя в том убедить. Зло порождает еще более страшное зло, оно ничего другого родить не может.

Но Изяслав, ушедший из дворца не прощаясь, вряд ли слышал его. Он пытался понять нового или прежнего Владимира ненавидит больше. Но примириться и простить его не умел и не хотел, хотя осознавал, что князь был прав.

Тот глубоко ненавистен, этот непонятен совсем, неизвестно, какой из них страшнее. И ослепившая ненависть заставляла забыть обо всем добром и светом.

№№№№№№№№

Изяслав остановился на поляне в парке и услышал шаги за спиной. Но когда обернулся, там никого не было.

– Что же ты убежал? – спросил его голос где-то рядом, и доносился он из пустоты, – ведь князь безоружен, оружия он в руки давненько не брал, убей его и все у тебя будет нормально, и на душе спокойнее. Разве не об этом ты мечтал с самого начала, как только начал понимать, что к чему?

– Но кто ты такой? – удивился юноша, – не сам ли Змей искуситель.

– Ты знаешь сказки, это похвально, – удивился бес, ожидавший всего, но не такого разоблачения.

– Я твой внутренний голос, твое второе я, – попробовал выкрутиться он.

– Нет, ты толкаешь меня в бездну, потому и не хочешь показаться.

Мальчишка оказался хитер и проницателен, Мефи пришлось удалиться ни с чем.

Изяслав понял, что он должен уйти как можно дальше, чтобы не случилось новой беды. Он не должен отдаваться в объятия духу, тут Владимир прав.

А над княжеским храмом раздался колокольный звон – так была отмечена первая его победа над собой. Колокола словно подтверждали, что он был прав.

Пусть душа его все еще металась между добром и злом, но он умел отличать одно от другого. Он не давал эмоциям одолеть разум. Ему хотелось пойти в княжеский собор, но он не сделал этого, не поднялся с травы, ощутив, что нет там для него места. Хотя и другого бога для него не существовало.

Поскакал он в свой город, когда-то подаренный ему грозным князем, все сильнее ощущал он свое одиночество и неприкаянность в этом мире. И только колокольный звон, уже давно отзвучавший, все еще жил в его душе.

И слышал он голос в чистом поле:

– Иди вперед, не умножай зла на земле, разве мало его сотворено, так зачем же еще творить? Не разрушать, а строить должны мы, не уродовать, а украшать.

Этот голос твердил понятные истины. Но почему же так трудно было им следовать? Отчего они так часто нарушались?

№№№№№№№№

Даже Изяслав, кажется не поверил его миролюбию, а враги его лютые с большой страстью рвались поработить земли русские. И никак не могли сдержать их заповеди, которые казались такими неудобными.

Они все находили упоение в битве и разрушении, привыкшие убивать и воевать, остановиться они никак не могли. Ничего не оставалось и Владимиру, как только собирать вокруг себя богатырей, ведь владения надо было укреплять и защищать.

Дивились дружинники князю, они слышали рассказы о бурном прошлом, но мало верилось им теперь в сказки такие. В чем они упрекали князя, так это в том, что казался он им мягким, терпимым и слишком добрым.

На одном из таких вот пиров появился перед князем его племянник Изяслав, захмелел он быстро и стал рассказывать о горькой участи отца, о страданиях матери. Поняли они все, что много темных тайн скрывает он.

– А ты ничего не путаешь, парень? – усмехнулся Добрыня, – ты и меч в руках князя видел?

Засмеялись богатыри русские – это казалось им смешным и нелепым. И лишь немногие из них среди общего веселия сумели увидеть, как поежился княжич, словно еще раз переживал те страшные времена.

Но после того пира Изяслав снова исчез. Где он был, никто не ведал, но никак не мог найти он покоя.

№№№№№№№№

Через год узнал Владимир и богатыри его, кто был еще жив, о страшной смерти княжича. Помчался он с малой дружиной своей против полчища хазар. Долго бился с ними, не желая отступать и сдаваться, но силы были неравны. Почти всех своих дружинников потерял Изяслав в том бою, и сам решил живым в плен не сдаваться. Разрубили его на куски свирепые хазары.

Такую историю о гибели молодого князя поведал один из уцелевших воинов. Молча слышал его Владимир, сожалел о бедном племяннике. Зачем это ему было нужно? Почему не смог он мирно свои дела завершить. Он догадывался – сам бес, чтобы отомстить Владимиру, повел Изяслава в этот бой, сам бес не позволил ему сдаваться. Теперь бросил к ногам его тело мальчишки. И он не мог с ней бороться, он мог теперь только согреть да сожалеть.

Для беса это была пустая забава, но такова была его натура.

– Нет, не богатырь он, – вздохнул дьявол в критический момент, когда нужно было отвести от мальчишки вражескую руку, и замешкался.

Так и погиб Изяслав, приговоренный нечистыми к смерти. И увидел он верхушки деревьев и небо голубое, которое застыло в глазах княжича. Прочь кинулись спозаранку враги его. Но все отдалялось, и улетала душа в небеса, пока не превратилась в одну темную точку.

Глава 23 Ответ грядущего

Но не знал князь Владимир в те тихие годы, что прошлое проклятие явит свой страшный лик: иудейский мученик, а вместе с ним и прокуратор, о котором ему столько рассказывали, предстанут перед ним в жутком обличии, только не ясно даже, на том или этом свете все это твориться будет. Не зря видно так запомнилась ему история про Понтия Пилата.

Святополк – сколько горя и страданий принес он себе и другим этот грозный отпрыск. Ведь говорил же он смирившемуся Изяславу, что зло порождает еще большее зло и возвращается к тому, кто творил его. Но не смог тот его в себе одолеть – нелепо и глупо погиб. Но словно живой укор, оставался еще один – тень странная и далекая.

Владимир чувствовал, что как бы не отрекался он от прошлого, оно всегда будет его преследовать. Недаром зависть числится среди самых тяжких грехов, – зависть и жажда власти – сокрушительная сила, если заодно они становятся.

Об этом он беседовал сейчас с Анной, которую называл на старый манер Апраксией.

– Но ведь таким ты и был когда-то, – говорила она сердито, – может и он опомнится и одумается?

Затаившийся, как лютый зверь, Святополк вел себя тихо, зная силу и могущество Владимира.

А когда умер князь, мрачнее тучи явился к нему ангел, только что вместе с ним покинувший землю.

– Что там случилось? – чуя недоброе, спросил князь. Он еще не забыл о жизни земной и очень по ней тосковал, живо интересовался всем, что там происходит после его ухода.

– Плохи дела, княже, – пролепетал ангел, – не замечал ты Святополка в последние дни, а он поднялся сейчас, да плечи расправил.

– Что же натворил он? – спрашивал князь, понимая, что услышит что-то страшное.

– Удумал он любыми путями стол твой захватить, мало ему удела оказалось, и чтобы все было у него в руках, должен он умертвить братьев своих Бориса и Глеба.

– А разве не можем мы помешать ему? – невольно вырвалось у князя

– Нет, не можем, – резко ответил ангел, – мы вольны только следить за тем, что творится. Могли бы ему помешать богатыри твои, конечно, да и их там уже не осталось, вчера Добрыню схоронили, а другие еще в твою бытность мир покинули.

– Так что же выходит, зло одолеет добро? И с этим ничего сделать нельзя? И в раю не видать мне покоя.

– Тебе надо отрешиться от жизни земной и забыть про все, – говорил ангел, потому что сделать ты все одно ничего больше не можешь.

Но Владимир никак не мог примириться с тем, что творилось, и винил он во всем только себя самого. Как были ему тогда не писаны все законы, так оно и осталось. Только теперь придется расхлёбывать ту кашу, которую он заварил. А с его уходом зло из своих укрытий выбирается. Тогда и понял князь, что и в раю можно испытывать муки адские от собственного бессилия, и неизвестно, где еще страшнее будет все, что творится в этом мире.

Недолго предсказанных событий ждать пришлось. Через несколько дней в небесах снова зазвучало имя окаянного.

– Что там? – спросил Владимир

– Борис убит среди болот, подстерег его Святополк с воинами своими, при помощи беса отыскал, одному ему с этим не справиться было.

Долго молчал князь, вспоминая милого и кроткого сына, который был так покорен, что ни с кем бы никогда сражаться не смог. Но дорог он был Владимиру больше других.

– Скажи, а наказать его как-то можно? – впервые Владимир решил, что он не станет этого терпеть, – он чувствовал, что ни понять, ни простить Окаянного не может, – я понимаю, что око за око, зуб за дуб, но не хочу его прощать.

– Не ты судья ему, – спокойно отвечал ангел, – он получит свое, но не от тебя вовсе.

Знал князь, что скоро встретит он тут Бориса, и радоваться должен, что все так повернулось, но не до радости ему было в те минуты. На земле, а не здесь нужен был Борис, чтобы нести весть о новом божестве в люди.

На девятый день, когда с грустью поджидал Владимир сына своего, снова ангел перед ним появился.

– Что еще стряслось там? – не удержался грозный князь.

– Да, Глеб убит Святополком, – отвечал спокойно тот.

Он ждал этого известия и так его боялся, и вот дождался.

Ангел уныло побрел прочь. Добро бессильно и безропотно перед злом, только это и мог он поведать князю.

Князю оставалось поджидать теперь уже двух своих сыновей.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Бледным и растерянным предстал перед Владимиром Борис. И лишь вздохнул он тяжело.

– Не думал я, батюшка, что так скоро свидеться нам придется, – словно оправдывался Борис перед отцом, за то, что не смог в мире том удержаться и здесь так рано оказался.

– И не только ты, нынче брат твой тоже был убит.

– Я не успел его о коварстве Святополка предупредить.

– Это я был глух и слеп, не смог вас защитить, – говорил князь задумчиво, – а теперь придется только взирать безучастно на все, что там творится. Таким может оказаться рай, если на земле всяких бед натворил.

– А найдется ли там сила, чтобы сразиться с ним? – прервал его Борис.

– Сила найдется, – уверенно говорил князь, – да только много еще бед совершить он успеет, ангел мне глаголил о том.

NoNoNoNoNo

Глеб рассмеялся от радости, увидев отца и брата.

– Ко мне ночью злодеи подкрались, – и во сне меня убили.

Не находил себе места в раю Владимир до того самого дня, пока не появился Глеб.

Но ангел на этот раз принес совсем иную весть.

Говорил он, что бежал Святополк от меча Ярослава, покинул в страхе Русь, да и сгинул где-то.

– Он остался в полном одиночестве, как зверь лесной, неприкаянный, поселился в каком-то шалаше или берлоге медведя, выгнав оттуда, и людям больше не показывался.

Молчал князь, тогда снова заговорила ангел:

– Ты можешь туда к нему спуститься и поговорить с ним о том, что случилось.

Молча кивнул Владимир. Он заторопился на землю.

Глава 24 Возмездие

Словно затравленный зверь, озираясь вокруг, брел Святополк по чаще лесной. Где же теперь его сланный войны? И следа от них не осталось. Где бес, направляющий его в сражения, обещавший победу.

Никого больше не было рядом, все растаяли без следа.

Говорят, что в тех местах, куда занесло Святополка, жил какой-то волхв, сбежавший из мира, оставались там древние свитки, травы, и чучела животных, вот там и остановился беглец, в жилище человека, с которым в реальности он никогда не смог бы встретиться.

– Господи, – впервые в жизни не к Перуну грозному, а к слабому и всепрощающему Христу обратился он, мечтавший недавно о власти над остальным миром. – Почему ты позволяешь, чтобы вот так я закончил дни свои? Так не должно быть, так не может быть никогда. Но ведь мой отец так же начинал когда-то, почему ему все сошло с рук, ему удалось почти нормально закончить жизнь. В тот момент и слышались ему шаги, слишком легкие для шагов человека. Он обернулся резко, жуткий страх сковал его душу, кто мог прийти сюда, кто мог его отыскать в этой лесной глуши? Он попятился невольно, чувствуя себя беззащитным перед дикой силой. Страх сковал его душу, но теперь это был не просто страх, а настоящий ужас перед не отвратностью судьбы.

– Нет, этого не может быть, – залепетал он растерянно, – ты же мертв, Владимир, ты не можешь быть тут.

– А будто ты жив, – говорил он сердито.

И странный смех, князь никогда не смеялся так пронзительно и странно.

– Ну что же сынок, ты совершил все, что хотел, – спросил он.

Князю показалось, что он все еще жив, не покидал землю, он забыл о том, что сделался бесплотен, что в этом измерении он только тень. Не замечал этого и собеседник.

– Чего ты хочешь от меня? – поинтересовался он. Стал думать о том, что отец, вероятно, не умирал, а прятался вот в таком глухом месте, а теперь явился к нему.

– Я пришел к тебе, напомнить о твоих злодеяниях, я все видел с небес, жаль, что помешать тебе не мог.

– Но я ни в чем не виноват, – не сдавался Святополк.

– Тогда отчего же ты в лесу прячешься? Своей тени боишься.

– Но почему тебе все сходило с рук? – удивленно спрашивал Святополк.

– Не все прощалось, – а вот за тебя и твои грехи мне никогда не рассчитаться. Может душа моя и обитает высоко, но для того, чтобы лучше все видеть и знать обо всем.

Святополк замолчал, он чувствовал, что все не так просто, как ему кажется.

– Мне тебя убить надо было, задушить своими руками тогда, да знаю, что не судья я тебе, что ты будешь без меня наказан. А пока живи сколько сможешь. Пока не отняли жизни твоей, смотри, что ты натворишь в этом мире успел, но нигде больше не найдешь ты покоя. Но страшным будет наказание там, и ад тебе раем покажется, а ты обрек душу свою на веки вечные. Ты не помнишь легенду из «Библии» о злодее тебе подобном, Пилатом его называли. Это он отправил на распятие бога нашего. Страшна была его судьба, побоялся он перед судом предстать, когда час его последний пробил, утопился он от страха в реке глубокой, но ничего в душе его кроме одиночества и страха не осталось. Проклят он был и обречен на мучения. И тебя не лучшая доля ждет, сколько бы ты не убегал и не прятался, а от судьбы все одно не уйти.

Сжались кулаки Святополка, хотел он на Владимира обрушиться, да только воздух перед собой и мог поймать. Оглянулся кругом, но нигде никого больше не было. Призрак исчез бесследно. Повалился он на соломку и застонал от ярости.

– Пилат. Пилат, – шептал он имя, прозвучавшее совсем недавно из уст призрака, и в голосе его звучала какая-то обреченность. А утром, поднявшись с земли, побрел он в лес, боясь оставаться в хижине, не хотелось ему снова с призраком встречаться, уж лучше пусть будет это лютый зверь какой.

Ведь могли еще и братья убиенные появиться.

В лесу, пусть и дремучем, было и вольнее и спокойнее. Но разве не твердил ему отец, что нигде он не найдет покоя, так оно видно и было.

– Ты – злодей, – слышался голос из чащи, а тут же звучал дикий смех. Конечно. Это бес над ним измывался.

Тогда и бросился он бежать, сам не зная куда. Но Леший, подыгравший бесу, превратился в огромное чудовище со смрадным дыханием, вот и бросился он за ним, ломая ветки. Правда, лишен он был дара речи, но беглец и не расслышал бы каких-то слов. Поддавшись дикой панике, он уже ничего не видел и не слышал, только дерево свалилось где-то рядом. То там, то тут мелькали огромные тени..

Он убегал от мира, понимая, что никогда не вернется назад.

Не сразу заметил Святополк, что оказался он в центре гиблого болота. И куда не ступишь, проваливаться начинаешь в один миг. Нигде нет твердой почвы под ногами – вот конец, который и предрекал ему призрак.

– Оставь его, Борис, – усмехнулся кто-то над головой, – он и сам отсюда не выберется.

– Я выберусь, выберусь, – хрипел Святополк.

Но ему только казалось, что он кричит, а голоса вовсе не было слышно.

– Я живой, я не собирался собирать, – не унимался пленник.

Он хватался за траву и кочки, но удержаться никак не мог, земля, а вернее болотная жижа, уходила из-под ног, все его усилия были напрасны.

На миг ему показалось, что под ногами твердая почва. И он вострепнулся, и надежда сменила неверие. Но радовался пленник болот рано, потому что стал проваливаться еще быстрее.

Все рухнуло, и он скрылся под водой, черная, вязкая жижа захватила его в тот же миг и смкнулась над головой. Он ударился о что-то твердое, и кажется это был потопленный, истребленный идол.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Мефи еще немного постоял около проклятого места, попрыгал по кочкам, а потом отправился прочь. Место бесславной гибели князя отметил он черной палкой – сгнившей березой.. Он оглянулся, чтобы полюбоваться со стороны на это сооружение. И вспомнил о высокой скале, с которой когда-то бросился Пилат. Все повторяется в мире, только княжич натерпелся перед смертью такого, что смерть ему раем показалась. А что еще делать ему оставалось, ведь из злодея превратился он в слюнтяя ни на что не годного.

Эту погоню с небес видел и князь Владимир. Он заметил, что тени убитых сыновей следовали за убийцей, а бес хохотал, когда неслись следом. А ведь и его финал мог быть таким же точно.

– Ну что же, усмехнулся Глеб, – мы отомщены, если бы еще можно было назад вернуться.

Владимир взглянул на Бориса и понял, что ему все это не доставило никакой радости. Какими же разными оказались его сыновья.

– Но мы должны быть с ними, мы должны оберегать их, – говорил Борис

– Они будут помнить о вас всегда. С именами вашими они в сражение пойдут, станете вы для них святыми, а это не мало. Много еще битв впереди, зерна зла только прорастают в их душах, долго они будут враждовать и ссориться.

Глава 25 Новое Пари

Пробудился Владимир, и понять не мог, жив он или мертв, какой год был на дворе. Борис и Глеб играли во дворе и о чем-то отчаянно спорили. Борис уступил брату. Откуда-то прибежал Святополк, злой, почти яростный, как волчонок. Он с кулаками бросился на братьев.

Его подхватил дружинник, оттащил в сторону, а он стал кричать и противиться, норовя вырваться из сильных рук.

– Что это было? – никак не мог понять князь Владимир, – предсказание, пророчество? Неужели все так и будет?

Долго еще не стихала тревога в душе его. Он еще с грустью думал о судьбах детей своих. Может ли он как-то помешать этому? Может ли что-то изменить? Да и сон это был или реальность? Зачем он снится. Это навсегда останется тайной.

NoNoNoNoNoNo

Смерть Изяслава стала последней точкой, навсегда отрезавшей Владимира от прошлого. Ему не удалось вырвать мальчишку из рук дьявола, но не осталось свидетелей, помнивших о князе-варваре и злодее. При помощи неведомого хазарина со своим прошлым князь распрощался навсегда. Сегодня это понял и Мессир, недовольный тем, что Мефи, затеявший эту игру с Изяславом разделяется. Как не хитер, не умен был его любимец, но за мелкой интрижкой он не видел большого. Не стоило допускать того, чтобы Владимир так просто порвал с прошлым. Но дело было сделано, оставалось только сожалеть о том, что все так случилось. Ему и самому не верилось, что это тот самый князь, так все переменялось. Святослав должен быть доволен – это единственное оправдание всему, что случилось.

Но до конца идти на поводу у князя он не собирался. Он должен позаботиться о дьявольском окружении. Его богатыри могли бы шагнуть вместе с ним на небеса, а вот этого допускать он не собирался.

.Они воины, а потому немало грехов за ними числится, какой там рай. Но разве станут они заботиться о своих душах? А значит, их души достанутся не богу, а самому дьяволу.

Мессир потер ладони от удовольствия, как хорошо все складывалось. Пусть он сам пожалеет о том, что о рае мечтал, да и не место там сильным мужам, правильно, что задуман он был для убогих и нищих, и калек, вечно немощных да обиженных. Надо чтобы он навсегда там оставался, и не смел оттуда выбраться. Вот и пусть поразмыслит – победил он или проиграл.

В назначенное время навстречу с ним прилетел ангел.

– Я проиграл, – обреченно произнес князь Тьмы, готов публично это признать.

Ангел слушал его молча. Стоило ли доверять таким признаниям.

– Я изменю правила нашего пари, – уже совсем другим тоном говорил он. Я получу одну из душ твоих подопечных, хотя все они молодцы и достойны рая, но одну душу я выберу сам и заберу к себе. Уж если это будет не душа великого князя, то все-таки значительная душа. Я честно тебя предупредил, передай своей братии, пусть лучше их хранят.

– Назови имя, если ты такой честный, – потребовал ангел.

Но князь только усмехнулся,

– Ты хочешь много знать, почему я должен тебе имя называть? Я предупредил тебя и достаточно.

Ангел распрощался и продолжал размышлять:

– Значит, он хитрит, у него еще никого нет на примете, если ничего не получится с одним, на другого переключится.

Князь развалился на троне. Можно было расслабиться. Он предупредил Белого, чтобы интереснее была схватка. Но вряд ли он остановится на одной жертве, ведь таковым может стать любой. Ведь за вратами его должны оказаться все богатыри князя Владимира, только

тогда он успокоится, когда последний переступит черту его владений. Да, он проиграл душу князя, потому что играл в поддавки, хотя ангелу о том не обязательно знать.

Князь заключил новое пари и остался всем доволен.

Часть 2 Заколдованный круг

Глава 1 Невыполнимое задание

Ожидание казалось бесконечным. Мефи не хотелось возвращаться. Он чувствовал, что на него смотрит весь мир во главе с Мессиром. И ничего удивительного, ведь ему не было равных там. Но это и заставляло его пахать больше других. Везет ведь тоже только тому, кто везет.

Что это? Второй удар колокола. Считать до трех он умел, и надо было возвратиться домой.

Хотя оставаться было лучше тут, чем там. Но братья ему приходилось за любое самое трудное дело.

Колокол ударил в третий раз. Померкла полутьма. И приземлился он удачно. Хотя это всегда казалось дурным знаком. Со всех сторон в тронный зал стекались его товарищи. Нынче они загадочно молчали, перебрасываясь лишь взглядами, на него поглядывали с интересом, зная, что он нынче будет самым главным.

Мефи помедлил секунду у порога, копыто подвернулось, и едва не растянулся перед входом, но на ногах удержался.

А потом он вел себя тихо, не высовывался сильно. Вдруг они забудут, не заметят того, что творится. Но стоящие впереди расступились. Как только почуяли, что князь ищет его.

Князь настроен был на веселый лад. Усмешка застыла в уголках губ, но взгляд казался каменно-зловещим. Худой, высокий, прямой. В глазах отражалось адское пламя. Смешно было бы молить его о пощаде. Он сцепил руки перед собой. Тонкие пальцы слегка шевелились. Никто бы не смог угадать его помыслов и настроения.

Князь заговорил.

В полутемном зале воцарилась гробовая тишина. Но пока он говорил о других и к другим обращался, Мефи мог передохнуть за чужими спинами.

Но бес стал каким-то излишне впечатлительным. А ведь наверняка паникует напрасно, никакой скверной работенки и не будет.

Князь изучал его молча.

К концу аудиенции он готов был облегченно вздохнуть, и торжествовать глядя на своих товарищей. Свое имя он услышал не сразу. Но это его просили задержаться.

Теперь он обреченно наблюдал за тем, как уходили остальные, и сторбленный Иуда, сидя около трона властелина, раздавал деньги для подкупа на день грядущий. На их языке это называлось проказами. Что-то нынче и Иуда был мрачен, как никогда. Может, ему просто надоела однообразная и унылая работа и постоянная близость к Князю, к тому, что все называют адом. Ведь такая жизнь точно не сахар.

Но вот уже исчез, позвякивая монетами, последний бес. Можно было и передохнуть от трудов тяжких.

Мефи понимал, что пора приблизиться к трону, хотя и старался держаться подальше, в случае вспышки гнева, Мессир никого и никогда не пощадит.

– Ну что, гений, девятого круга, хватит прохлаждаться, пора за дело приниматься.

– Интересно, а что я каждый день делаю? – поинтересовался он, хотя чувствовал, чем завершится такое любопытство.

Хозяин взглянул на него насмешливо, ссориться он не собирался.

– Я о настоящем деле говорю. А не о мелких пакостях, – отрезал он, – мне нужна душа некрещенного ребенка, и ты должен ее добыть. Смотри, чтобы его не успели окрестить

и заberi. Но это только полдела, тебе надо будет следить за тем, чтобы ее нам назад вернуть не пришлось, это если глупая баба задумает ее отмолить. Если прохлопаешь, допустишь это, смотри у меня.

Последнего он мог и не говорить, бес в том не сомневался, что получит по полной, если прохлопает.

Мефи потупил взор в камни, он упорно молчал. Больше ничего не говорил и Мессир. Он не хотел уходить, и оставаться не хотела, такая вот странная дилемма получилась.

Нет, и без всяких указаний он мог все сделать, но теперь, когда от него этого требовалось, ему ничего делать из вредности не хотелось. Да и представить только, как это трудно раздобыть душу некрещенного младенца. Сколько неожиданностей и неприятностей его там будет подстерегать. Но делать все равно нечего. Отговорки ничего не меняли.

Но если бы не было таких заданий, то он изнемог бы от скуки, нет, иногда просто необходимо было так вот встряхнуться.

Но туда надо идти в полночь, а до той поры можно отдохнуть. Засыпая, он погрузился в размышления, надо все продумать, чтобы избавиться от лишних хлопот. Дурные предчувствия заставляли его что-то делать, не сидеть на месте.

Мефи подскочил на лежанке.

– Нет, так нельзя начинать, – озарился бес, но чувство всегда освобождалось от контроля разума.

И он заснул внезапно. Ничего не снилось ему в ту ночь. Пока он еще оставался любимцем Князя, но все это внезапно может закончиться, если он что-то не так сотворит с душой этого младенца. Его могут просто превратить в горстку праха, в камень, какая разница, чем и кем он станет, если перестанет быть собой.

Бес проснулся с тяжелой головой и сразу же вспомнил все, что произошло накануне. Ну что же. Пора приниматься за дело, пока не поздно.

Глава 2 Предшествующее

Теплой летней ночью, за несколько минут до полуночи, на опушке села Карачарова появился путник в лаптях, кафтане с котомкой за плечами. Он медленно приближался к селу, погруженному в сон уже несколько часов. Лишь в одной избушке на самом краю села горела лучина. Темная, маленькая старушка в черном одеянии с бесцветным лицом и злыми глазами – настоящая ведьма – вышла к нему навстречу. Она долго поджидала его, зная, что он должен появиться. И вот, когда он стал приближаться, смотрела на него молча, прищулив один глаз.

Мефи даже присвистнул, когда ее увидел, топнул копытом и бесследно исчез. Общаться со старой ведьмой ему вдруг расхотелось. Но она только рассмеялась, и смех был такой же скрипучий и странный, а потом пошла на опушку – довольная, что не пропустила то, что и хотелось узреть своими глазами. Но куда и в какой дом под видом черного кота он проберется, она пока не знала, могла только гадать, впрочем, это скоро выяснится само.

Черный кот, и тут старуха не ошиблась, без труда отыскал нужный ему дом, хотя тот ничем не выделялся среди прочих, расположится в сенцах, словно он жил там всегда. Правда его сердило то, что провести тут придется не один день, спать придется ночью, бодрствовать днем, а он привык как раз наоборот.

Но ему придется мириться со всеми неудобствами, чтобы добиться желаемого. Странные создания эти люди, ночью они спят, днем работают, когда все должно быть наоборот, как вообще можно спать ночью, когда это самое важное время для дел. Хотя работа у них скучная, страшно однообразная, а жизнь серая, если бы он иногда не разнообразил все, то было бы и вовсе тошно. Сам дьявол в другой раз не заставит его вернуться к такой жизни, но пока надо сделать свое дело, чтобы потом гулять смело. А вот они уже несколько веков так живут и не рошут.

Кот свернулся клубком, пожалуй, он был большеват для кота, но и эта шкура казалась коротковатой, а что говорить о кошачьей.

Мефи проснулся оттого, что полетел в воздух и в полете припомнил все, что с ним в последнее время приключилось. Что это? Он же в птицу вроде обращался, и не было у него никаких крыльев, так почему же летает?

На самом деле все оказалось проще – его на руки взял мальчик, и кажется даже обрадовался его появлению, хотя и не должен был, потому что кот был черным.

Да и отрок оказался славным – такой маленький мужичок, светленький с голубыми глазами. Он что-то лепетал и играл с ним, как с настоящим котом, каким он собственно и казался. Мефи противился, но на самом деле это ему очень даже нравилось. Это был тот самый дом, в котором он и должен был оказаться. Женщина искоса взглянула на кота, и скрылась в доме, она должна была родить совсем скоро.

№№№№№

Мавра проснулась в тревоге, с тяжестью на душе. Ведь приближался срок рожать. Но тяготило еще что-то необъяснимое. Она вздрогнула и увидела в руках у Ильи черного кота. Тот словно бы с неба свалился, да еще черным, – дурной знак, – подумала она и постаралась отогнать темные мысли. Ведь еще ее бабушка топила всех черных котят, не разрешала оставлять их в доме. Но она не могла огорчить мальчика, ведь он от этого котятры и на шаг не отходил.

– Господи, – молилась она перед иконой, – отведи беду от дома моего.

Но потом замолчала, решив, что так только беду накличет. Хотя если посмотреть, кот как кот ничего особенного, никаких дурных поступков из-за него не должно случиться.

Весь день мысли ее возвращались к этому коту. Она вспомнила себя ребенком, когда прабабушка еще была жива. В тот день в избе тоже появился черный кот, зашел и лег около печи. Дома они были вдвоем. Старуха улыбнулась и прошептала:

– Смотри, Маврушка, это смерть моя пришла, – и на кота пальцем показала.

Она онемела тогда от ужаса, побежала из дома на опушку леса. Почти до темноты там пробыла, а когда возвращалась, увидела старуху около дома. Та и сказала ей, что бабушка умерла. Она искала черного кота, но больше его не нашла, он исчез куда-то. Только по ночам во сне он иногда к ней являлся. Она просыпалась от страха.

Теперь она не помнила лица бабушки, и той избы, где они тогда жили, тоже не помнила, через пару лет она сгорела, был большой пожар, а вот черного кота забыть не могла.

Несколько лет после Ильи у нее не было детей, и она подумывала о том, что уже не будет. Потом ребенок родился мертвым. Но она уверяла себя, что на этот раз все должно обойтись, бог ее милует. Но тревога никак не исчезала.

Она принялась готовить ужин, когда выглянула во двор, увидела, как почернело небо, словно уже наступила ночь, хотя все еще был полдень.

Внезапно ударил гром, да такой сильный, что стены задрожали. Вот тут слова вбежал Илья со своим котом.

– Ой, матушка, там такая гроза собирается, – почти восторженно крикнул он, – такое черное небо сделалось.

И тут же сверкнула молния, Мавра схватила из рук малыша кота, и швырнула его из избы на улицу, плотнее закрыла дверь. Но Илья с диким криком бросился за котом туда. И дождь лил и бушевал ветер. Мальчик промок до нитки в один миг, пока озибался по сторонам. Но кота нигде не было, он, будто сквозь землю провалился. Малыш метался и рыдал под проливным дождем.

Почувяв недоброе, Мавра рванулась за ним и потащила его домой от старой осины, где он и оказался. И тут же им вслед ударил гром, сверкнула молния, попав прямо в сухое дерево. Оно рассыпалось со страшным треском и тут же загорелось.

– Господи, – взмолилась она, крестясь, за что ты хотел убить моего сына.

И струи дождя вместе со слезами потекли по ее щекам.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Илья уселся около печки, насупившись. Он рыдал, потому что так и не смог отыскать своего кота. Это была самая большая потеря в его жизни. Он промок до нитки, и теперь мог заболеть. Но пока он думал о том, что молния убила его кота.

– Господи, – да ничего с твоим котом не делается, – это тебя бы молния убила, видел, что с деревом стало, вот то бы и с тобой было, – кричала на него матушка, – Да откуда он только взялся, этот окаянный кот, ни у кого в деревне такого не было, только у нас, вот напасть-то какая.

Гроза внезапно прошла, во дворе было свежо и тихо. От осины остался только один пенек. Но она не жалела о дереве, потому что могла лишиться и ребенка, своего первенца. Но бог не дал ему погибнуть и то хорошо, он будет жить ей на радость. Совсем скоро родится еще один ребенок, и тревоги утихнут. Но тревога не пропадала, хотя гроза давно кончилась. Она цепкими когтями черного кота вцепилась ей в душу. Она никогда не верила страшным рассказам про колдунов и ведьм, но в последнее время жизнь заставляла ее убеждаться, что это не выдумки выживших из ума стариков, что существуют тайны и заговоры. Она снова смотрела на небеса и молилась, прося о том, чтобы все у нее закончилось хорошо, чтобы хватило духу сберечь силы, пережить все испытания, какие еще выпадут на ее долю. Она решила сходить к ведьме, чтобы душу успокоить.

Глава 3 Ночные гости

Когда все наконец утомилось и ночь вступила в свои права, казалось, что ничего страшного не произошло. Ночь была обычной, одной из тысяч. Куда-то исчез проклятый черный кот, наделавший столько шуму.

Кот исчез бесследно, но теперь уже невидимым, в своем истинном облике в доме появился бес собственной персоной.

Он и прежде частенько заходил в дом к Домовому на огонек, они были старыми приятелями. А сейчас тот заскучал и обрадовался встрече.

– А где твой гость черный запропастился? – с ходу поинтересовался он.

– Исчез во время грозы, даже след его простыл, – спокойно отвечал Домой.

– Не радуйся раньше времени, вряд ли этот плут исчезнет навсегда, да и не просто так появлялся он здесь, – заявил бес.

– А может у них там что-то изменилось? Да и мальчишку ему убить не удалось, за другим приходил, помани мое слово.

Домовой покуривал самокрутку и вполуха слушал собеседника. Но вдруг насторожился.

– Что ты вокруг да около ходишь. Известно тебе что-то, так говори, хватит тут загадки загадывать.

– Если бы точно что-то знал, то к тебе бы не поплелся, – огрызнулся тот, – да больно что-то у него узнаешь. Но и подружка наша Кикимора подозревает что-то, смотри, какая хитрая да пронырливая сделалась у нее рожа, ясно, что ведомо ей что-то.

Домовой, видя его насмешки, вцепился в него, и они кубарем покатались по полу, загремела упавшая кочерга, в избе поднялся страшный шум. Но силы были равны, и они еще долго барахтались, грозя разбудить весь дом. Хорошо, что домочадцы только что заснули, и сон их был крепок..

Наконец Домовой, тяжело дыша, отбросил к печке непрошеного гостя и прошептал яростно:

– Уходи и не являйся сюда больше.

– Рад бы, да не могу, раз сам князь своего первого помощника к тебе послал, грех в стороне оставаться.

В тот самый момент появилась Кикимора. Видя, какой переполох и догадываясь, что только что была потасовка, она тихо рассмеялась, приветствуя собратьев.

– Вот и голубушка наша тут как тут, – тяжело вздохнул бес, – чувствует, где жареным пахнет.

– А ты не ворчи, с тоски бы сдох, непутевый, если бы не появился тут, что же ты в болотах своих не торчишь.

Она была груба, впрочем, как обычно.

– А ты, – она повернулась к Домовому, – что уши развесил, лучше бы о жильцах побеспокоился, не ровен час, проказа какая нападет, раз этот тут все вынюхивает.

– И эта ту же песню затянула, – плюнул от досады Домовой. – Я дух дома, и он на мне держится, а почему вы оба это так близко к сердцу принимаете, вот что непонятно или уже жареным запахло? – поинтересовался он

– Держится-то, держится, – передразнила Кикимора, – только не сильно усердствуй, а то как бы твой дом не рухнул, тогда так же как этот по чужим углам ютиться придется.

Она все больше путала забытую Маврой в суматохе пряжу – любимое занятие любой Кикиморы.

– Попугаю-ка еще твою Мавру, – усмехнулась Кики.

Домовой бросился к ней, ругая себя за невнимательность и забывчивость, он всегда увлекался разговорами, не замечая того, что творится кругом.

Но было поздно, работа Мавры была безнадежно испорчено, оставалось только выбросить то, что осталось от ее пряжи.

Распрощавшись с гостями, он стал прибирать да расставлять по местам все, что было перевернуто.

– Видно сам князь что-то затевает, – бес проболтался, – но что нужно ему тут, в обычной избе, какой у него, владеющего всем миром, может быть интерес.

За эти годы и даже века он сжился с людьми и считался Домовой самым добрым созданием среди духов, населявших этот мир. Все его колдовские чары пропали со временем, и в схватках с собратьями он чаще проигрывал добру против зла. Их больше, и объединившись вместе, они были несомненно сильнее, но это не печалило Домового.

№№№№№№№№

Пропел первый петух, он, устало вздохнув, отправился на покой. Ночка выдалась бурная. Ему предстояла главная схватка, в том не было сомнения. Но если даже слабая и беззащитная женщина вырвала ребенка из объятий беса, то он может не меньше.

Так думал, засыпая, Домовой. И слышал, как ветер шуршал в трубе.

Неслышно ступая, кот прошелся по избе. Лохматый старикашка и все обитатели этого мира крепко спали. А он исследовал поле своей деятельности. Бесспорно, ему было известно больше, чем другим, но далеко не все. Он понятия не имел, почему среди тысяч беременных жен князь указал на эту. Но задавать такие вопросы было не принято, он и не задавал.

– Ему видней, и все-таки?

Оглянувшись еще раз на поле битвы, он исчез так же бесследно, как и появился.

Илья заворочался и заулыбался во сне. Ему снилось, что его кот вернулся и даже разговаривал с ним, вот только припомнить о чем же они говорили мальчик так и не смог.

– Но коты не могут разговаривать, – огорченно вздохнул он, тоскуя по потерянному любимцу.

Глава 4 Начало конца

Едва позавтракав, Илья исчез из дома. Он отправил на поиски своего кота, который ему накануне приснился и сообщил о том, что ничего страшного с ним не случилось.

Ребенок верил, что кот обязательно отыщется и вернется домой. Но тут ребенка ждало разочарование, кот, словно сквозь землю провалился, не было его нигде.

Хотя на самом деле никуда он на этот раз не провалился, а играл в кости с Банником в пустой и темной в такой час бане, куда люди в утренние часы и носа не показывали.

Но в бане, где никого не было, было шумно и весело, стол хохот и какой-то дикий треск, что еще раз подтверждало, что нечего им там делать, если хотят оставаться живы и невредимы.

В отличие от Домового, Банник всегда был самым злым и коварным из всех духов. Общение с людьми никак не повлияло на его нрав. Это было самое настоящее Пекло на земле, тот кусочек ада, который человек должен был видеть и представлять себе еще до того, как окажется во владениях самого Чернобога. Пламя в печке, пар и чад не могли никак улучшить его отношения и к бане, и к людям, которые приходили сюда помыться, и совершались здесь самые главные для них обряды – рождение и смерть, всему этому Банник оказывался свидетелем. А потому знал изнутри всю изнанку жизни человеческой.

Вот и теперь он пытался выведать у черта, что же будет твориться дальше:

– Ты надолго к нам, Лукавый? – поинтересовался он.

– Да вот заполучу душу для Князя и назад, – отвечал загадками тот.

Мефи мог поделиться с ним секретами, понимая, что тот не станет ему мешать.

– Надоела мне деревня ваша – скуотища, а вчера и вовсе чуть грозой не пришибло из-за проклятой бабы, – пожаловался он.

Банник хихикнул, не понимая, как могло пришибить беса, который был бессмертен. Хотя, говорят, что чаще всего Перун в них молнии свои и пускает, давно у него зуб на этих тварей Велесовых. Никто не знает, с чего это началось, но скорее всего никогда не кончится.

Он видел, как кубарем летал черный кот, и только почесал затылок, понимая, что Мавре это будет дорого стоить, хотя ему она и была симпатична. Угрозы беса ему не понравились, и он готов был эту бабу защищать, да просто, чтобы тому насолить и прыть свою показать.

Но потом он решил, что его дело сторона, и связываться с этим типом из-за какой-то бабы он не собирался. Пусть о ней Домовой с Кикиморой позаботятся.

Банника клонило ко сну, он забился в дальний угол и решил, что до вечера пусть в том мире все хоть быльем порастет, а ему все фиолетово.

NoNoNoNoNoNoNo

Мефи тоже решил передохнуть в той самой бане на полатах. Днем у него никаких дел не было в мире людей.

Но он выглянул из бани, заметил уныло бредущего Илью, и понял, что пацан упрямый, и нравится ему больше, чем его мамаша, жаль, что отмищение и его коснется тоже.

Илья с грустью думал, что сон его обманул, и кота он, наверное, никогда больше не узрит. Сколько их носилось по деревне белых, рыжих, полосатых, но не нужны они были ему, только тот, черный, которого нигде не было.

Илья заметил, что и матушка куда-то исчезла, а он остался совсем один – все его бросили на произвол судьбы.

А Мавра, изнывая от дурных предчувствий, отправилась к старой ведьме на самый край села, где начинался густой лес. Ей хотелось узнать правду, выяснить, что будет твориться дальше, неизвестность просто убивала ее в те часы.

Л старухе ходила дурная слава, говорили, что она немало зла людям причинила, кого-то даже убила, многие связываться с ней боялись. Но Мавра была в отчаянии и не старуху ее пугала, а то, что творилось в ее доме, значительно ближе, чем та хижина, где обитала старуха.

Около хибары колдуньи она немного помедлила, то потом набралась храбрости и шагнула туда. Старуха заметила ее еще тогда, когда она только повернула в эту сторону.

– Пришла, голубушка, ты и должна была нынче явиться, – усмехнулась она и оглянулась по сторонам.

Старуха сидела в углу и оттуда на нее посматривала, скрестив руки перед собой. Она вовсе не была страшной, скорее какой-то мертвой казалась.

Мавра немного поежилась, когда заметила этот полумертвый взгляд.

Наконец старуха тихо спросила:

– Что привело тебя сюда, девонька моя? Душа твоя неспокойна, знаю, о чем спросить хочешь.

Мавра не понимала, пугает ее старуха или ей все на самом деле ведомо.

А старуха лепетала свое:

– Ой, разгневала ты Владыку Тьмы, беда будет, большая беда, такая, что и Пекло тебе Вырием покажется.

Мавра прижалась спиной к темной стенке. Дурные предчувствия недаром ее терзали, все так и было. И кот тоже не был случайностью?

А старуха все еще что-то бормотала, но он уже ничего не могла понять и разобрать, и не слышала больше ее слов.

Шатаясь, словно пьяная, вышла она из той хибары. Плотнее прикрыла дверь, словно это могло ее спасти, едва добрела до дома и опустилась на кровать.

– Но что еще может со мной случиться. За что все мне это, о Велес, в чем же я так провинилась.

Ильи нигде не было видно и слышно, она только теперь это заметила. Сразу вспомнила вчерашнюю грозу и снова испугалась за сына. Ожидание казалось бесконечным, хотя в это время парень почти никогда не бывал дома, она прежде за него и не беспокоилась.

Наконец он появился. Но даже поругаться с ним Мавра не успела, она поняла, что начнутся роды и отправила его за бабкой-повитухой.

Едва слышные шаги заставили ее очнуться снова. Она повернула лицо к двери и увидела в центре горницы того самого кота. Он сидел посередине комнаты, словно бы всегда был тут и оглядывался по сторонам.

– Опять этот проклятый кот, – она хотела чем-то в него бросить, но силы ее в тот миг оставили.

Мавра очнулась от забытья, услышал знакомый, ласковый голос старушки. Илья уже привел ее. Мавра поняла, что она все еще жива, и не знала, радоваться ли этому или огорчаться.

Адская боль заставила ее потерять сознание. Крик существовал где-то отдельно от нее.

– Кот, черный кот, – шептала она, не скрывая ужаса.

– Какой кот, голубушка, – удивленно спросила старуха, – здесь никого нет кроме нас, мальчика я отправила погулять, никаких котов тут нет.

Она опасалась за Илью, который мог снова столкнуться с черным котом. Но он слышал ее дикие крики и никак не мог прийти в себя. Он не мог унять дрожь во всем теле. Почему ребенок рождается так долго, почему он так мучает матушку, что она может помереть?

В тот момент он и увидел снова своего кота, переступившего порог их дома, бросился к нему, забыв обо всех огорчениях. И тот снова оказался в его руках, полетев в воздух.

– Ты нашелся, мой котик, – радостно шептал ребенок, – я весь день искал тебя, и ты нашелся. Но где же ты был все это время?

Только очередной дикий крик матери заставил его снова замереть от страха, переходящего в ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.